

И С Т О Р И Я И С Л А М А

А В Г У С Т М Ю Л Л Е Р

С ОСНОВАНИЯ
ДО НОВЕЙШИХ ВРЕМЕН

ВОЗНИКНОВЕНИЕ
ПЕРСИДСКИХ ГОСУДАРСТВ

ТУРКИ, АССАСИНЫ,
КРЕСТОНОСЦЫ

НАШЕСТВИЕ ЧИНГИСХАНА;
ТАМЕРЛАН

РАСЦВЕТ АРАБСКОГО
ГОСУДАРСТВА
В ИСПАНИИ

Август Мюллер

**История ислама. Т. 3, 4. С
основания до новейших времен**

«Центрполиграф»

1892

УДК 297
ББК 86.38

Мюллер А.

История ислама. Т. 3, 4. С основания до новейших времен /
А. Мюллер — «Центрполиграф», 1892

ISBN 978-5-227-07821-6

Труд выдающегося немецкого ученого XIX века Августа Мюллера «История ислама» охватывает период истории арабов с древности до XIX века. В данную книгу вошли 3-й и 4-й тома, изданные в русском переводе в 1895 году и анализирующие события от мусульманской Персии до падения мусульманской Испании.

УДК 297
ББК 86.38

ISBN 978-5-227-07821-6

© Мюллер А., 1892
© Центрполиграф, 1892

Содержание

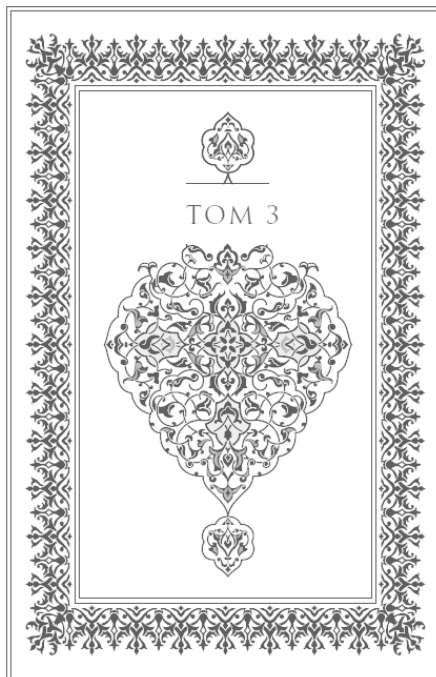
Том 3	6
Книга первая	6
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	32
Книга вторая	42
Глава 1	42
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Август Мюллер
История ислама. С основания
до новейших времен

© «Центрполиграф», 2018

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2018

Том 3

Книга первая Новая жизнь на Востоке

Глава 1 Персидская нация

Много удивительных вещей повествует старик Геродот про чужие страны и народы, а в числе этих вещей чуть ли не самой удивительной является его утверждение о персах, будто бы они своих сыновей с 5 до 20 лет обучали лишь ездить верхом, стрелять из лука и говорить правду¹. Хотя чересчур мудрствующие старинные и, к сожалению, новые критики упрекают отца истории в легковерии или даже в неправдивости, но в большинстве случаев течением времени блистательно выяснилась полнейшая неосновательность подобного обвинения. Однако, приписывая персам правдивость, Геродот действительно, если можно так выразиться, попал впросак. Так и вижу перед собой хитрую физиономию того иранца, который, обращаясь к много странствовавшему ионийскому гостю с ласковой любезностью, среди других, более или менее верных сообщений, подsunул ему этот рассказ о правдивости персов. Очевидно, что добрый наш Геродот не проник в иронический смысл сообщения, переданного ему восточным человеком, но еще труднее объяснить, как мог рассудительный Страбон, более чем 400 лет спустя, почти дословно списать у Геродота эту его фразу о персах², так как в указанный 400-летний промежуток времени римляне имели достаточно случаев убедиться, насколько персам присуща «любовь к правде». Вряд ли следует относиться серьезно к частым жалобам римлян

¹ Геродот, кн. I, с. 136.

² Страбон, с. 733.

на лживость парфян³, а также к тому добродетельному возмущению, с которым они умеют рассказывать о вероломстве греков и пунийцев. С их стороны это просто-напросто та самая высочайшая степень лицемерия, которая составляет наиболее непривлекательную основную черту этих сыновей волчицы⁴. Впрочем, в данном случае мнение римлян оказывается верным. Персы, или, точнее, различные ветви иранского племени, все без исключения слишком остроумные люди, чтобы решиться говорить неприкрашенную, голую истину. «Кто привык говорить правду, если однажды согрешит – позволительно; но кто уже известен по своим лживым речам, то, если скажет и правду, ему не поверят»⁵. Отсюда до изречения Мирзы Шаффи «Кто лжет, того нужно бить» расстояние, очевидно, значительное. Но, как известно, Мирза этот не перс, а турок из Генджи или, еще вернее, немец из Ганновера.

Остальные сообщения Геродота по поводу персов заслуживают гораздо более доверия. Персы были искони превосходные всадники, да и в настоящее время остались таковыми. Перед иностранцами, посещающими Персию, жители этой страны могут блеснуть разными рыцарскими упражнениями. Не имея ни малейшей склонности к мореплаванию и морю⁶, персы с удвоенной горячностью посвящают себя искусству верховой езды и коннозаводству с мирными и военными целями. Впрочем, на войне успех дела редко соответствует тому усердию, с которым они им занимаются. Персидский народ вовсе не представляет из себя трусов, нет, – хотя, впрочем, и в Персии, как и во многих других странах, сильно изнеженное городское население лучше сражается языком, чем мечом, – но даже и современный нам персидский солдат способен на героическую храбрость и презрение к смерти лишь только тогда, когда его вдохновит пример полководцев. Те же самые обитатели восточных провинций Персии, которые со времени битвы при Нихавенде подчинялись обыкновенно почти безо всякого сопротивления всякому набегу арабов, после столетнего рабства, при Абу Муслиме, в два года неодолимым натиском отбросили за Тигр своих, правда находящихся в распрях между собой, властителей. Подобный народ, всегда обладавший подвижностью и предприимчивостью, соединенный при благоприятных обстоятельствах воедино могучим владыкой, – как бы он ни назывался: Кир, Ардешир или Аббас Великий – всегда способен во всякое время быстро и победоносно завоевать себе преобладающее положение среди остальных народов. Но гораздо менее способен он отвратить от себя напор врагов, как только этим последним благоприятствует первая удача.

Мы уже видели, как великие сатрапы, вследствие полнейшего отсутствия патриотического духа, сами содействовали покорению Персии арабами. Это отсутствие патриотизма должно было вдвойне тяжело ощущаться после того, как иноземцы захватили в свои руки всю страну. Живо чувствуемое всюду отвращение к чужому племени и его новой религии, ярая ненависть к алчности угнетателей все же не были в состоянии, даже после пробуждения от первого ошеломляющего удара, вызвать в Персии действия сообща, пока, наконец, отдельные части населения не связала одна могущественная соединительная нить, последствие тех государственных мер Омара, по которым большинству населения оказалось весьма выгодным хоть внешним образом принять ислам. Эта мера отделила сначала вновь обращенных персов от их оставшихся при старой вере соотечественников такой преградой, которая должна была значительно усилить последствия прежнего их партикуляризма. Но после того, как персы приняли

³ Гораций, эпист. II, с. 112 и т. д.

⁴ «Хорошо рассчитанные и ловко выполненные убийства и всякие злые козни по отношению к другим народам, это, по мнению известного знатока, составляет собственно суть древней римской истории» (К.Э.А. Шмидт, Латинская фразеология, 1864). Однако достойные историки римской нации, и во главе их Цезарь и Саллюстий, сумели так серьезно разнообразить басню о волке и ягненке, что еще и теперь находится много неглупых людей, которые верят этой басне.

⁵ Гюлистан, с персид. подл, перев. Холмогоров, Москва, 1882.

⁶ В древности в состав персидского флота входили жители Малой Азии и финикияне, и, когда около 1740 г. могущественный шах Надир, прозванный «Наполеоном Востока», не считавший что-либо невозможным, пытался с бесконечными усилиями выстроить корабли на Каспийском и Персидском морях, дело кончилось куда более плачевно, чем предприятие Наполеона в Булонье.

магометанство, они наконец поняли, что обещанная им равноправность с арабами в действительности существовала только на бумаге. И только когда это обстоятельство заставило их еще ярче и живее почувствовать и без того достаточно заметное для них приниженное их положение сравнительно с положением чужестранцев, – могла снова зайти речь об общности чувства всех отдельных членов нации. Но отсюда до совместного действия было еще достаточно далеко. За исключением некоторых элементов особенно энергичных, или же провинций, огражденных в деле сопротивления более благоприятным естественным местоположением, никому решительно не пришло в голову, после того как удача так явно встала на сторону арабов-врагов, переть против рожна. Хитрый народ бессознательно избрал наиболее, по тогдашним обстоятельствам, пригодный выход для сохранения в неприкосновенности в главных чертах хотя бы внутренней своей самостоятельности, изменив новую веру по своим потребностям. Средства к этому были им даны самими арабами – во всемирной истории встречается подчас комизм. С тех пор как Омар признал поклонников Зороастра «владельцами писем» и этим самым уделил старой вере ту же терпимость, которой пользовались христиане и евреи, персам не представлялось уже необходимости, по крайней мере в форме прямого принуждения, переменить религию. Впрочем, позже магометане стали все более и более считать вероисповедание огнепоклонников идолопоклонством и все чаще стали вовсе запрещать совершение их богослужений. Однако мы знаем, что во многих провинциях, особенно в Азербайджане, в неприступном Табаристане, в Хорасане и в мидо-персидских горах, – еще целые столетия огонь хранился неугасимым в храмах Зороастра.

Борьба из-за халифата и смерть Али и Хусейна представили персам желанный ими случай. Даже более, дали им возможность пользоваться именем властителя, который когда-то избрал себе столицей город Куфу, расположенный наполовину на персидской земле, как военным кличем, соединяющим всех недовольных, знаменем, одновременно носящим на себе и магометанские краски и, вместе с тем, враждебным правительству. Ничего не могло быть удобнее для персов, даже если бы это знамя было бы нарочно выдуманно для них. Насколько это совпадение должно было оказаться впоследствии роковым для арабов и для ислама, мы уже не раз имели случай подчеркнуть. Здесь же, не иначе, конечно, как только самым беглым образом, можем напомнить о начавшейся с момента восстания Мухтара длинной нити внутренних неурядиц, в заключение приведшей к тому, что соединенные усилия арабских и персидских мечей одолели сирийских арабов и власть из рук Омейядов перешла в руки Аббасидов.

Во все время, пока длилась примирительная политика Мансура и Бармекидов, умеренные среди персов держали сторону той династии, которая не только выказывала им терпимость, но давала им даже участие в управлении государством. Нам известно также, что благодаря этому обстоятельству умеренные персы попали во враждебный лагерь по отношению к своим соотечественникам, принадлежавшим к партии крайних шиитов, – нам известны постоянно продолжавшиеся восстания этих последних, разрушение политики примирения вследствие братоубийственной войны между Амином и Мамуном и фактическое отпадение восточных провинций от государства, вызванное Мамуном, который передал генерал-губернаторство этих провинций Тахиру, перешедшее затем к его потомкам.

В конце II и в начале III столетия существовали на Востоке рядом с теми группами крайних шиитов, которые едва еще прикрывали некоторыми формальными выражениями свои коммунистические и пантеистические воззрения, и еще три другие религиозные партии, именно умеренные шииты, мутазилиты и правоверные. Умеренные шииты не только отрицали права павшего халифата Омейядов, – это же делали и мутазилиты и правоверные, но стали уже смотреть косо на первых трех халифов – Абу Бекра, Омара и Османа, и стали более или менее ясно высказывать, что и эти халифы несправедливо отстранили Али от имамата, принадлежащего ему по праву после смерти пророка. Во всяком случае, всем этим шиитам, даже самым миролюбивым, казалось, что, раз Али был халифом хотя бы короткое время, законными

наследниками халифата непременно должны были быть только его потомки. Тем не менее умеренная партия не встала сначала в явную оппозицию к правлению Аббасидов и удовлетворялась тем, что почитала втайне тех из потомков Али, притязания которых на имамат оказывались в данное время наиболее законными. Эти потомки Али удивительно быстро размножались, и достоверные письменные изображения их родословного древа, при разбросанности отдельных лиц по всему государству, оказывались немыслимыми. И тогда, и позже в шиитских кружках должны были держаться различных мнений относительно вопроса, кто из этих потомков имел как раз в данный момент наибольшее право быть имамом.

Следствием такого разногласия было распадение умеренной шиитской партии на множество маленьких подразделений, причем различие их взглядов нигде не было принципиальным и не исключало возможности прийти при надобности и к общему соглашению, и к соединению под знаменем победоносного вождя. Приверженцы этого направления могли казаться безвредными охранителями легитимистской фантазии; тем более что они не выказывали особенной охоты вступать в борьбу с правоверными⁷. А что касается придворных богословов – мутазилитов, то с ними они имели даже точки соприкосновения. Для того чтобы оправдать богословскими доводами возвышение Али над другими товарищами пророка, шиитам приходилось подыскивать подходящие цитаты в Коране и в преданиях. Первое оказывалось возможным благодаря несколько свободному, с течением времени все более и более переходившему в аллегорию толкованию Писания, толкованию, которое, по крайней мере вначале, близко сходилось с рационалистическими толкованиями мутазилитов. Опираясь же на предание можно было, только отрицая правильность многих признанных правоверными отдельных преданий и изобретая взамен их новые, в которых для восхваления Али был бы выведен сам Мухаммед, как лицо, признававшее право Али на имамат. Нам уже известно, как с первых же времен ислама наивно производились переделка и изобретение преданий. Систематичная критика и кодификация этих преданий в смысле ортодоксальности началась, правда, уже в начале II (VIII) столетия, но, разумеется, не могла считаться руководством для шиитов и свободомыслящих. Как бы то ни было, во время владычества первых Аббасидов все три партии жили довольно мирно друг подле друга, правоверные имели перевес в арабских местностях государства, шииты – в персидских, а мутазилиты преобладали в Ираке, но все эти три направления имели в то же время многочисленных приверженцев и во владениях, где преобладали другие две партии. Особенно же в Ираке народная толпа держалась правоверия, воззрения же мутазилитов разделялись преимущественно образованными классами, в то время как среди них же насчитывалось также достаточно шиитов. Все лица арабского происхождения, проживавшие в персидских местностях государства, то есть в особенности большая часть городского населения, склонялись тоже к правоверию. Нигде, однако, не было заметно наружного разлада; дело шло тут, по-видимому, о богословских направлениях, которым соответствовало настроение умов народных масс.

Но именно в этом-то настроении умов и крылась опасность для арабов. И с того времени, как старое противостояние между персами и арабами в политике снова проявилось, стало выясняться, что за легитимистическими фантазиями кроются совсем иные вещи, а именно: национальное отвращение персов к чуждому племени завоевателей и такое понимание ислама, благодаря которому, под прикрытием внешним образом усвоенной арабской религии, самую

⁷ Более мягкие натуры сохраняли известное объективное миролюбие и гораздо позже. Так, персидский историк VIII (XIV) столетия, принадлежность которого к шиитским воззрениям вне всякого сомнения, говорит с похвалой о лицах, удерживающихся «поносить товарищей пророка» (то есть первых халифов). См. Барбье де Мейнард о Хамдулле Мустауфи в *Journ. asiat. sér. V, vol. X, p. 283–305*. Только Барбье заходит слишком далеко, когда он выводит из этого заключение: «combien le fanatisme shiite est de fraîche date». Нам придется ниже отметить, что в середине IV (X) столетия торжественные проклятия Абу Бекра, Омара и Османа входили в официальное вероисповедание шиитов. Хамдулла изображает собой, таким образом, исключение, становящееся с течением времени все более и более редким.

эту религию начали извращать и обратили в средство борьбы против всего арабства. Это извращение ислама продолжалось еще быстрее с того времени, как Мутеваккиль, из преданности и угождения к правоверию, объявил войну как свободомыслящим, так и шиитам. Цель этого постепенного извращения была наконец достигнута только через несколько столетий: она заключалась в том, чтобы почитание Али и его сыновей, Хасана и Хусейна, и отвращение к первым халифам, как к представителям арабства, обратить в настоящую персидскую религию и низвести одновременно религиозные догматы и обряды ислама до пустых формул. Как быстро все это шло, мы усматриваем хотя бы из того, что, например, уже у Фирдоуси (411 = 1020 г.) Али и Мухаммед наделены одинаковыми правами⁸, и что еще раньше (351 = 962 г.) по приказанию шиитского султана из семьи Бундов, к величайшему негодованию суннитских жителей Багдада, на дверях мечетей была прописана торжественная формула проклятия Абу Бекра, Омара и Османа, правда, пока еще не называя прямо имен, но ясно указывая лица⁹.

Около того же времени произошла перемена во взглядах умеренных шиитов, которая превратила их из полуполитической в чисто религиозную партию. Где следует было упомянуто, что после 260 (873) г. сильно разрослась среди шиитов секта «Почитателей двенадцатого», то есть тех почитателей Али, которые двенадцатого его потомка, Мухаммеда ибн Хасана, считали за Махди или ожидаемого восстановителя законного престолонаследия. Что побудило их отказаться от этой надежды, так и осталось невыясненным; быть может, новый блеск и сила, пролитые около этого же времени на халифат Аббасидов халифом Муваффаком. Как бы то ни было, позже, когда секта «Двенадцати» стала выступать на передний план, одним из догматов ее было верование, что уже в ранней юности Махди исчез в пещере близ Самарры. Впоследствии же он будто бы часто являлся своим почитателям в образе тех или других верующих, имена которых приводятся. Последний раз он явился в Багдаде в 328 (940) г., а теперь Махди вернется только лишь в последние дни перед концом мира. В переводе с шиитского языка предание это означает, по-видимому, что до указанного года некоторые лица из секты «Двенадцати» желали взять на себя роль Махди, но что в это самое время в Багдаде случились такие обстоятельства, вследствие которых оказывалось более благоразумным отказаться от мечты фактически овладеть властью для действительных или же вымышленных потомков Али и ограничиться одним религиозным почитанием их предков, особенно же самого Али и его сыновей. Обстоятельства эти должны были, в сущности, заключаться в том, что Ираком овладела династия, благосклонно относившаяся к шиитству, но не имевшая ни малейшего расположения отказаться от халифата в пользу какого-либо потомка Али. И как раз в 334 (945) г. Буид – Муъизз ад-Даула – завоевал Багдад, вырвал власть из рук Аббасидов и тотчас же взял под свое покровительство шиизм.

Этим не только объясняется, почему учение «Двенадцати» приняло указанный оборот. А также почему это учение, весьма сподручное для светской власти, вытеснило мало-помалу все остальные формы умеренного шиизма, пока наконец в 908 (1502) г., после побед первого из Сефевидов, Измаила, упомянутое учение было возведено в господствующую религию названным шахом, основателем персидского государства. Мы знаем точно все подробности учения «Двенадцати» во время династии Сефевидов, и оно в главных чертах сохранилось неизменным и в настоящее время.

Считаю уместным во главе этих страниц, посвященных персидскому народу, дать очерк классической формы шиизма, подобно тому как истории арабских времен ислама я предпо-

⁸ См.: *Шах*. «Геройские сказания» Фирдусия (Берлин, 1865 г., с. 68). Оригинал этого стихотворения не был у меня в руках. В введении к «Шахнамэ» тот же поэт тоже превозносит Али перед всеми другими товарищами пророка, но уделяет несколько похвальных слов и Абу Бекру, Омару и Осману, вероятно, из желания оказать внимание суннитскому султану, которому он посвятил свое стихотворение.

⁹ *Ибн аль-Асир*, изд. Торнберга, VIII, с. 403.

слал изложение суннитских догматов. По важному замечанию одного из знатоков страны¹⁰ и как вытекает из указанного нами постепенного развития его, суть этого учения составляет собственно одно только прямое, точное и молчаливое отрицание. Главный догмат учения – отрицание законности первых трех халифов – Абу Бекра, Омара и Османа, а также отрицание исходящих от них и окружающих их суннитских преданий и замещение авторитета этих преданий преданиями (хадисами), приписываемыми Али его приверженцами. В той страстности, с которой еще и до сих пор шииты ненавидят Омара, завоевателя Персии¹¹, слышен отзвук старой злобы великого народа против чужеземного владычества. И одновременно весь тот восторг, которым подобный народ может воспылать к своему национальному покровителю и герою, нашел себе выражение в том мечтательном поклонении Али и его сыновьям, Хасану и Хусейну, которым проникнут всякий перс. К магометанскому символу веры – «нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед его пророк» – шииты добавляют: «и Али наместник Бога»¹². Отношение верующей католички к Мадонне, например, вряд ли теплее и сердечнее, чем отношение перса к своему Али. Правда, что прямо воплощением Божественного существа считают Али только члены особой секты, именуемой Али-Илахи – то есть боготворители Али¹³, – но, в сущности, для всех остальных не Аллах и его пророк, а Али – настоящий предмет религиозного поклонения¹⁴. Как видно, к явному отрицанию первых халифов здесь присоединяется и молчаливое устранение самого арабского пророка. Та же черта, отнимающая у лиц и предметов их истинное арабско-исламское значение, ясно заметна и в других частях религиозного учения шиитов. Правда, за Кораном признается значение Божьего слова, но его прямой смысл извращен аллегорическим толкованием, которое в сути своей сводится к подсовыванию разных преданий и сказаний об Али, о которых ни Аллах, ни его пророк, коему приписывают их, никогда не могли иметь и помышления. Наконец, еще до конца IV (X) столетия шииты не отступили даже перед прямым своевольным изменением буквы Писания, текст Корана дополнили подложным текстом, чтобы этим путем получить свидетельство в пользу уравнивания Али с пророком Аллаха. Нетрудно представить себе, что при подобных данных являют собой предания, которыми шииты заменили Сунну: «Я – город, а Али – врата к этому городу», – гласит это предание устами пророка; и даже Мухаммед договорился будто бы до следующей фразы, сильно отдающей учением о божественном воплощении: «Али составляет часть меня, а я – часть его»¹⁵. Рука об руку с этим вместе идет и стремление вообще сузить всякое значение Корана. Заодно с мутазилитами и шииты исповедуют учение о божественном происхождении Писания. Но если и не ясно выраженными словами, то по сути вещей у них получается такой вывод, что вообще не следует слишком точно придерживаться буквы Писания. Неуважению

¹⁰ Полак, Персия, Лейпциг, 1865, I.

¹¹ Странствуя по Персии в 1867 г., Вамбери передает рассказ, подтверждающий ненависть эту к Омару и вместе с тем характеризующий непреодолимое влечение персов ко всякому остроумию – глупому или умному, как случится. Вамбери встретил жителя из Шираза, который написал себе на подошвах имя Омара, чтобы весь день хоть фигурально топтать ногами смертельного врага своей веры...

¹² «Али вели алла». Собственно говоря, «вели» означает ближайшее лицо кого-либо – его друга или доверенного.

¹³ См. статью «Секта людей истины в Персии» В. Жуковского в Записк. Восточн. отд. императорского русск. археологии, общ., т. II.

¹⁴ Что в настоящее время в высших, образованных классах, включая сюда и духовенство, под маской вечной визготни: «Али и Хусейн» скрывается полнейшее неверие, не изменяет ничуть первоначального положения дела.

¹⁵ Из этого видно, что по отношению их к Сунне шииты довольно-таки неверно приравнялись к протестантам по отношению к католикам. Шииты отрицают суннитскую традицию только для того, чтобы заменить ее еще гораздо более дикой легендой, ничуть не думая настаивать на точном грамматически историческом объяснении Писания, а устраняют, в интересах аллегорического объяснения понятий и слов Корана, даже тот фактический материал, который, хотя и сильно помраченный, все же имеется налицо в ортодоксальной передаче. Однако, как все превратно понятые вещи, и это неподходящее сравнение до последнего времени упорно повторяется известной партией и находит последователей среди мало сведущих людей. Если же вообще желали бы провести подобную параллель шиитизма с христианскими вероисповеданиями, то, как уже заметил старик Шарден, современник и жертва Нантского эдикта, следовало бы делать совершенно обратное сопоставление.

богословов к тексту соответствует то, что в народе больше интересуются жизненными правилами Саади и песнями Хафиза, чем содержанием божественного откровения.

Тем же самым стремлением по возможности дальше отстранить все арабское был вызван и шиитский догмат об «имамате». Правда, сунниты верят, что первые преемники Мухаммеда, Абу Бекр, Омар и Осман, были отмечены особенными Божьими дарами и милостью, но им и в мысль не приходит отказывать Али в тех же свойствах. Кроме того, одновременно с названными четырьмя лицами они признают выдающуюся степень святости еще за целым рядом других товарищей пророка. Исторические факты настолько уважаются ими, что они уже не оспаривают больше ни у Омейядов, ни у Аббасидов законности их бывшего владычества. С тех пор как Сунна заменила собой прямой авторитет халифа, как главы общины (имам), все это не имеет уже больше существенного религиозного значения. Совершенно иначе у шиитов. Они вместо первых халифов, Омейядов и Аббасидов, считают имамами Али и одиннадцать его потомков и признают этих имамов. То есть отрицание арабского владычества стало у них религиозным догматом, и догматом существенной важности. Само собой разумеется, что первым имамом считается Али, которому будто бы сам Мухаммед – снова явная ложь – передал право наследовать ему. За Али следуют его сыновья 2) Хасан и 3) Хусейн, и затем по прямой линии потомки Хусейна 4) Али II¹⁶, прозванный Зейн аль-Абидин («Украшение благочестивых»), 5) Мухаммед аль-Бакир («Искатель правды»), 6) Джафар ас-Садик («Правдивый»), 7) Муса аль-Казим («Владеющий собой»), 8) Али III ар-Рида (по персидскому произношению «Риза» – «любимец Аллаха»), 9) Мухаммед II аль-Джевад («Великодушный»), 10) Али IV аль-Аскери («Воин»), 11) Хасан II аль-Хамт («Горький плод»¹⁷), 12) Мухаммед III аль-Махди, скрывшийся имам, появление которого ожидается для восстановления царства Божьего на земле в последние дни мира перед светопреставлением. Из всех этих потомков Али, кроме последнего и самого Али с его сыновьями, мы знакомы также уже и с восьмым имамом Ридой: он жил во времена Мамуна и благодаря влиянию своих персидских приверженцев играл видную роль в то время, когда Мамун желал устроить примирение между Аббасидами и Алидами. Он сделался зятем Мамуна, хотя за эту честь ему вскоре пришлось расплатиться жизнью.

Мечеть в Мешхеде¹⁸ близ Туса, где похоронен имам Рида, наравне со святынями Неджефа и Кербела, где погибли Али и Хусейн, и часовней над гробницами седьмого имама, Мусы, и дочери его Фатимы¹⁹ в мидийском местечке Кумме – свидетельствуют о высочайшем почитании, с которым шииты относятся ко всему, имевшему какое-либо касательство к их двенадцати имамам, – почитанию, основанном только на том, что эти имамы считаются ими жертвами суннитской преступной несправедливости.

Об остальных догматах и религиозных заповедях, предписываемых исламом, можно сказать в общем, что шиизм менее всего извратил те из них, которые не интересовали персов. Относительно понятия о Боге персидские богословы держались различных взглядов по вопросу, следует ли или не следует вести речь о божественных свойствах, но это у них не считается существенным вопросом. Также и на предопределение они смотрят довольно широко, и свободной человеческой воле у них все еще оставлен достаточный простор. Значит, и в том и в другом вопросе они опять-таки стоят близко к мутазилитам. Учение о последних событиях

¹⁶ Происхождение этих прозвищ, по-видимому, нужно отнести к стремлению, чтобы Али и его потомки ни в чем не отставали в глазах публики от первых халифов, которые приняли почетные титулы, например Абу Бекр ас-Сиддик. Тут играли, быть может, роль и прозвания Аббасидов как аль-Мансур и т. д.

¹⁷ «Хамт» в Коране (34, 15) означает плод, имеющий горький вкус, который дают есть неверующим. Нужно предполагать, что в означенном случае прозвание Хасана II аль-Хамт должно означать, что он врагам своим должен показаться особенно неудобоваримым.

¹⁸ «Мешхед» означает буквально «место мученичества», отсюда и название Мешхед-Али, святыни в Неджефе (недалеко от старой Куфы), возведенной на предполагаемом месте, где находится могила Али, а также Мешхед – название всей окрестности. Шииты думают, что имам Рида был отравлен Мамуном.

¹⁹ Прозванная аль-Масума (охраняемая Богом от каждого нечистого прикосновения, то есть невинная, незапятнанная).

даже в день воскресения мертвых уделяет Али наряду с Мухаммедом первое место; в качестве заступника он присуждает к мучениям ада в числе других неверующих и всех противников двенадцати имамов. Своеобразно, что из числа религиозных обязанностей придается несоразмерное значение очищению: оно считается среди всех религиозных обрядов самым существенным. Молитва разнится лишь в незначительных чертах от формул, употребляемых суннитами; более всего замечательна эта разница в призыве к молитве, особенно вследствие добавления слов: «собирайтесь для лучшего из дел», то есть таких слов, которые часто изображают собой настоящий шибболет²⁰ шиитского вероисповедания. Молитва по пятницам в мечетях вообще не обязательна и произносится благочестивыми людьми всегда в одиночку, так как, со времени исчезновения двенадцатого имама, нет того, который имел быть заступником и молещиком всего прихода. Пост в месяце рамадане по виду исполняется еще строже шиитами, чем суннитами; на деле же с обычной персидской хитростью он нарушается втайне гораздо чаще, чем то дерзнули бы сделать сунниты. Паломничество к святым местам – излюбленная мечта персов, но путь в Мекку открылся для них лишь недавно, да и теперь персы направляются туда очень редко. Вследствие наследственной их вражды к туркам, последние закрывали шиитам в течение целых столетий проезд в Аравию. Только с царствования султана Абдул-Меджида (1839–1861) им разрешено вступать на турецкую территорию в облике паломников в Мекку. Но лишь немногие пользуются этим разрешением, большинство же довольствуется возможно частым посещением священных гробниц своих имамов, в особенности же гробниц Али и Хусейна в Неджефе и Кербеле и имама Рида в Мешхеде. Посещение этих местностей кажется им настолько желанным, что уже с древнейших времен²¹ благочестивые персы, владевшие нужными для того средствами, завещали перевезти свой прах и похоронить его в подобных священных местностях. Такое предсмертное желание исполнялось всегда добросовестно. Еще и в настоящее время из величайшей дали, даже из Индии, тянутся длинные караваны, везущие на верблюдах гробы умерших в мечети с гробницами почивших имамов, чтобы здесь опустить мертвецов в последнее место их упокоения. Горе путешественнику, которому встретится подобный караван, везущий мертвецов: запах разлагающихся трупов просто невыносим, – и если несчастный не один, то он в довершение всего будет еще вынужден выражать удовольствие, потому что бренные остатки столь благочестивых людей должны, конечно, издавать приятное благоухание.

При самом сильном желании нельзя было изъять из Корана запрещение пить вино. Поэтому благочестивый перс предоставляет евреям готовить презренный напиток, но пьет его сам, хотя в большинстве случаев тайно. Особенно славятся в этом отношении жители Шираза, в окрестностях которого растет лучший виноград.

Так и быть, о виночерпий,
Пусть всех обойдет круговая чаша.
Подавай ее сюда!

Таковыми словами начинается книга песен величайшего поэта Шираза – Хафиза, в доказательство того, что и в XIV столетии дело обстоит там точно так же, как и в настоящее время. Но ввиду того, что и религии следует отвести надлежащее место, эти строки официально толкуются так: круговая чаша с вином, которой виночерпий Хафиза обносит всех присутствующих, означает вино божественного милосердия, опьяняющее человека божественною любовью. И когда перс, вдоволь насладившись жизнью и ее удовольствиями, которыми он по временам пользуется даже до безобразия, достигает 50-летнего возраста, он обыкновенно делает «таубэ»,

²⁰ Слово, по произношению которого можно узнать принадлежность данного лица к известному племени или партии. См.: Книга Судей, 12: 6. (Примеч. ред.)

²¹ Первый известный мне подобный случай – похороны Бунда Адуд ад-Даулы, который в 372 (983) г. по сделанному им предсмертному распоряжению был похоронен в Неджефе: Ибн аль-Асир, IX, 13.

то есть приносит покаяние, имея в виду с этих пор серьезно подумать о жизни и достойно подготовиться к загробному существованию. Подобный нравственный переворот случается иногда и в других местах кроме Персии, но нигде как здесь он не представляет собой, так сказать, официального характера.

Наш обзор религиозных обычаев персов был бы неполон, если бы мы не бросили хоть мельком взгляда еще на своеобразный облик, данный ими своему праздничному календарю. Прежде, по крайней мере, он, сравнительно с суннитской краткостью, был весьма пространен. «У него столько праздников, как у перса», – говорили обыкновенно остальные магометане о лентях. Эта страсть к праздникам основана опять-таки на внутренних свойствах народа, любящего всевозможный внешний шум и блеск. «Если вы желаете, чтобы мои соотечественники поняли вас, – говорил в начале нынешнего столетия персидский посланник англо-индийскому государственному деятелю, – то говорите для глаз их, а не для ушей».

Многие национальные черты шиизма лишь с течением времени и, в особенности, с возведения Сефевидами шиизма на степень господствующей религии персидского государства развились в полной своей яркости и силе. Заметная склонность развивать более и более эти национальные черты была уже налицо у всех персидских мусульмов в конце II (VIII) столетия и ждала лишь случая выразиться с полной энергией; но пока этому препятствовали внешние обстоятельства, на которые мы теперь и обратим внимание.

Глава 2

Возникновение персидских государств

Когда в 205 (821) г. халиф Мамун передал управление восточными областями персу Тахиру, новый наместник застал здесь смешанное население. Исключение составляли лишь сельские жители, которые, в большей или меньшей степени, остались чистокровными иранцами. Объясняется это тем, что, находясь вдали от городов и больших проезжих дорог, сельчане не должны были принимать у себя арабских постоев, сборщиков податей и т. п. При всем этом им и вообще-то грозила меньшая вероятность подвергнуться другим случайным примесям чуждого элемента. Именно эта основная часть населения и сохранила с древних времен и до наших дней свою самобытность. Они не переставали открыто или тайно во время арабского владычества хранить во многих местностях старинную веру и поддерживать неугасимый священный огонь Зороастра. Эти же сельские жители передавали из уст в уста, от отца к сыну народные сказания об исчезнувшем величии Древнего Ирана и легенды о своих героях и царях²². За этим исключением всюду, особенно же в западных областях, национальный персидский элемент был сильно затронут арабами, большей частью смешанного происхождения. Численность этих арабов никак нельзя недооценивать; пусть вначале их было всего лишь несколько десятков тысяч, рассыпанных по стране в виде постоянных гарнизонов, юношеская сила арабской национальности и последствия многоженства должны были увеличить их число неимоверно быстро. Эти арабы составляли, вместе с персами, живущими в городах и принявшими ислам, высший класс населения. Только с той разницей, что новообращенным в мусульманство персам уделялись вначале одни лишь гражданские должности, например по торговле, ремеслам, учености и т. д., в то время как военное дело и надзор за религией побежденных победители оставили себе. Фактическое неравенство при формальной равноправности, господствовавшее между этими двумя элементами, стало с течением времени мало-помалу исчезать – особенно с той поры, как после воцарения Аббасидов персидское влияние стало проявляться

²² Носителями национальных традиций и обычаев являются особенно дехкане, то есть низшее земельное дворянство, значение которого сильно упало во время арабского владычества. Во многих местностях представители этого дворянства дошли до того, что занимали должности простых сельских старост, тем не менее они свято хранили воспоминания о лучшем прошлом.

более заметным образом в правительственных кругах. Так как в официальных кругах считалось более аристократическим разыгрывать из себя арабов, богатые или занимавшие высокое административное положение персы поручали какому-нибудь ученому генеалогу сочинить для себя арабскую родословную. Если они при этом и не меняли с той же легкостью свои мысли и чувства, а также и не забывали старинные традиции своей национальности, то по наружности не было уже почти никакого различия между настоящими арабами и переодетыми персами. Неудивительно поэтому, что при живом обмене ежедневных сношений сначала разговорный язык, а затем, во многих случаях, и понятия, и воззрения персов и арабов начали делаться однородными. Арабские слова перешли тысячами в персидский обиходный язык²³, правда, не всегда так, чтобы значение их соответствовало вполне персидскому понятию. Смотри по природе и духовной склонности, тут араб воспринимал нечто персидское в воззрениях и нравах, а там перс – нечто арабское. Но матери большинства лиц арабского происхождения были персиянки: таким образом, национальность победителей мало-помалу подчинилась национальности побежденных, как это обыкновенно и бывает в подобных случаях. И поэтому неудивительно, что требовалось только появление благоприятных внешних обстоятельств, чтобы из-за арабского покрова, скрывавшего персидское лицо, внезапно выглянуло это последнее. Отступления от подобного положения дел – не говоря уже о каспийских областях, навряд ли когда-либо покоренных даже внешним образом, – случались и на востоке Персии, по ту сторону великой соляной пустыни, отделяющей Мидию от Хорасана и обеспечивающей восточным провинциям известное привилегированное положение. Здесь, за исключением больших городов, – да и тут в самой слабой степени, – арабский элемент был очень незначителен. Вместо него замечается ближе к востоку все более и более густая масса турок, а к юго-востоку – не менее густо – индо-германцы неперсидского происхождения.

Вся широкая полоса, охватывающая земли между Оксусом и Яксартом, старинную Бактрию и теперешний Афганистан, была уже с древних времен предметом спора для индийских, иранских и разных северных племен. Последние имели, по-видимому, этнографическую связь с турецкими, татарскими и монгольскими народностями. Но о родственных их отношениях, опираясь на дошедшие до нас известия греко-римских и китайских историков, нельзя сказать ничего более точного. Они, подобно вышеназванным народностям, в разные периоды существования староперсидского, македонского и среднеперсидского государства вторгались из степей и гор, средоточие которых составляли алтайские вершины, в Иран и производили в нем опустошения. Во времена Арзакидов они проникли через Кабульскую долину до Индии, а с другой стороны – до границы Кирмана. Возможно, что в какой-нибудь связи с ними находятся владельцы Кабула, наделавшие столько хлопот магометанским полководцам и которых мусульмане называют турками. Во всяком случае, справедливо именуются «турками» те отряды всадников, которые в 560 г. отняли Трансоксианию у бывшего до них господствующим на Оксусе тоже северного племени гефталитов и основали там могучее государство под управлением Хакана («великого царя»). Оно охватывало значительное пространство древнеиранской территории, так как царство Ахеменидов в лучшие времена простиралось до Хорезма (Хивы) вблизи Аральского моря, и можно предполагать, что по крайней мере оседлые жители Бактрии, Трансоксании и оазиса Хорезма были иранцы. Даже в настоящее время городские жители Трансоксании большей частью еще персидского происхождения, несмотря на то что за этот долгий период монголы и татары сильно похозяйничали в центральной провинции, а турки-узбеки уже целыми столетиями владели страной. Приходится предположить, что турецкий Хакан, подобно тому как позже поступали мусульмане, представлял отдельным округам до известной степени

²³ Мы не говорим о языке научном, термины которого были все сначала арабские, потому что долгое время книги, трактовавшие догматы Корана, а также и вообще другие научные предметы, писались исключительно по-арабски. И в позднейшие времена до Сефевидов персы, за исключением истории, охотнее писали о научных предметах по-арабски, чем на своем родном языке, подобно тому как западноевропейские ученые в Средние века предпочитали писать на латыни.

собственное самоуправление²⁴. Тем не менее во времена мусульманских завоеваний многочисленные турецкие толпы были внедрены среди персидского коренного населения, потому что главным образом турки были переведены из тех местностей в Багдад, сначала целой массой, а позже в виде гвардейских отрядов²⁵. На юг от этих северо-восточных турок и рядом с так называемыми кабульскими турками поселились и другие неперсидские племена; особенно у индийской границы потомки пактиеров, которые позже называли себя пушту, и дикие жители Гура, гористой страны на юго-восток от Герата. Из смеси этих двух племен (с добавкой позже переселившихся сюда монголов) возник воинственный народ афганцев. На юго-востоке было, кроме того, немало индусов, которые когда-то властвовали в Кабуле, вследствие чего доставили одно время в Восточной Персии исповедуемой ими буддийской религии сильное, чувствуемое еще при исламе, влияние. Все эти чуждые элементы, там, где сталкивались с персидской нацией, задерживали ее развитие, как в политическом, так и в религиозном отношении. Туркам, с их несложной, часто даже несколько узкой мыслью с самого уже начала, лишь только они вообще стали думать о религии, казался более симпатичным положительный, запрещающий всякое излишнее мудрствование правоверный догмат, по сравнению с аллегорическими тонкостями шиитов. Они перешли к суннитам, – как затем поступили и афганцы, которые, правда, в конце II (VIII) столетия были еще язычниками или буддистами.

Таким образом, очевидно, что, сколько бы под арабским владычеством ни сохранилась персидская национальность, тем не менее и на западе и на востоке страны было трудно устранить хотя уже постепенно склоняющийся к упадку, но все еще владеющий довольно почтенной суммой сил халифат Аббасидов. К тому же все различие, весь антагонизм между суннитами и шиитами, между национальностями арабской и персидской, почти всюду скрывались под наружным миром; хотя тот, кто бросает взор на дальнейшее развитие истории Персии, довольно легко может разобраться в этом антагонизме и проследить его под кажущимся миром и согласием. Нас не удивит поэтому, если первые проблески стремлений персов к самостоятельности принимают сначала только облик личного честолюбия. И еще менее удивимся мы, если именно главнейшая опора всего тогдашнего положения дел – различие религиозных взглядов – остается вначале совершенно нетронутой.

Нам известна попытка, на которую отважился Тахир, задумав добиться независимости от Мамуна и сделаться самостоятельным повелителем восточных областей. Несмотря на неудачу, которой кончилась попытка, сделанная Тахиром, вследствие его внезапной смерти, халиф не решился отнять у сыновей Тахира управление их родной страной. Фактическая самостоятельность, которой Тахириды пользовались по отношению к халифам, долго еще не приводила к положительному разрыву. Дух открытого мятежа, вдохновлявший Тахира и внушивший ему эту смелую попытку, не перешел к его сыновьям Тальхе и Абдулле. В то время как последний сражался за Мамуна в Месопотамии и Египте, брат его управлял (207–213 = 822–828) от имени халифа восточными областями, блюдя в них порядок и не принимая прямых приказаний из Багдада. Столицей Тальхи был Нишапур, откуда он правил Хорасаном и соседними странами. Одновременно с этим он считался верховным повелителем Трансоксании и Табаристана, пользовавшегося, правда, значительной долей свободы под правлением своих испехбедов. Отдельные округа Трансоксании находились в руках сыновей Асада, сына Самана. Утверждают, что и

²⁴ Если можно доверять словам Бируни, весьма почтенного и надежного ученого более поздних времен V (XI) в., родом из Хорезма, то старинная династия, владычествовавшая на его родине, была иранского происхождения и даже во времена мусульманских наместников она продолжала пользоваться здесь чем-то вроде местного самоуправления.

²⁵ Выше я ошибочно назвал турком Афшина, родом из Ошрусены. Мне дружески разъяснили, что он, несомненно, происходил из старинного иранского рода. Также и самое слово «Ихшид», которое я совершенно верно объяснил титулом «турецких предводителей в Фергане», находит объяснение в персидском языке. Отсюда следует, что, быть может, подобно тому, как сообщает Бируни относительно Хорезма, так и в Фергане во главе смешанного населения находилась маленькая династия иранского происхождения. Впрочем, наименование Тугдж, потомкам которого был затем дарован титул Ихшид, имеет все-таки турецкий облик.

они тоже были по происхождению персы из старинного и благородного рода. По имени своего деда и они, и их потомки носят наименование Саманидов. Они принадлежали к свите Мамуна, который, переселяясь с востока в Багдад, пожелал утверждения их младшими наместниками, что и произошло в 204 (819–820) г. При Тахиридах они сохранили свои наместничества, в числе которых наиболее значительным следует считать наместничество Самарканда. Сначала это последнее попало в руки Нуху²⁶ ибн Асаду; затем, когда он умер, оно перешло к брату его Ахмеду I, а еще позже к сыну Ахмеда Насеру I. Таким образом, оно стало таким же наследственным, как и главное наместничество над восточными областями в доме Тахиридов. Обе эти династии оказались крайне благодетельными для управляемых ими провинций: наконец-то эти земли перестали быть жертвой алчности и грабежа со стороны арабских наместников. Но Саманидов, так же как и Тахиридов, всегда гораздо менее увлекала военная слава, чем внутреннее преуспеяние страны, развитие в ней ремесел и умственных и духовных интересов. Владения этих двух династий были достаточно обширны, чтобы успешно защищаться против внешних врагов, и все же не настолько значительны, чтобы из центра их властитель не мог во всякое время удобно окинуть взором положение всех своих областей.

Будучи в качестве доблестного полководца и в качестве умного, одаренного поэтическим талантом человека достойным сыном своего отца, Абдулла ибн Тахир не имел все-таки отваги вести по примеру отца борьбу с халифом. В 213 (828/29) г. из Хорасана прибыло известие, что Тальха умер, а временно заместивший отца в его должности сын Тальхи, Али, убит возмущившимся народом, и вследствие того Мамун назначил наместником Абдуллу, который как раз в это время был занят сбором войска против Бабека. Абдулла быстро восстановил в Хорасане порядок и до самой своей смерти, последовавшей в 230 (844) г., добросовестно и точно исполнял все свои обязательства по отношению к Мамуну, а затем и к его преемнику, Мутасиму. Когда в 219 (834) г. в соседней с Хорасаном местности Талекан потомок Али, Мухаммед ибн Касим, отважился на мятеж и при этом попал в плен, Тахирид тотчас же отослал его в Багдад. Впоследствии, в эпоху происков Афшина, Абдулла встал на сторону халифа, что было весьма естественно, так как возмущившийся, подстрекаемый Афшином, испехбед Табаристана был подвластен наместнику Хорасана, и поэтому мятеж его касался настолько же самого Тахирида, насколько центрального правления. Само по себе это стремление действовать заодно с сюзереном было, конечно, вполне разумно до тех пор, пока власть халифа одновременно и внушала уважение, и обещала поддержку в нужный момент. Но когда после смерти Мутасима стали проявляться явные признаки начинающегося падения Аббасидов и усиливающейся распушенности турецких преторианцев, было бы умнее ограничиться охраной спокойствия в восточных областях, а халифат, с которым Тахириды, по крайней мере как властители Восточной Персии, не имели никаких общих интересов, предоставить собственной его судьбе. Но такое ограничение себя и своей деятельности шло вразрез с природой гордого и честолюбивого рода Тахиридов. Подобно предку своему, Тахиру, этому поставщику царей, который убил одного халифа, а другому доставил халифский престол, потомки его желали и впредь распоряжаться судьбами мировой империи и рассчитывали, что сумеют одновременно и удержать за собой восток, и ввести порядок в Ираке. Но для этого им недоставало уже ни силы, ни средств. Они приучились с тех пор жить расточительно и по-княжески. «Полный кошелек и посмертная слава не обретаются в одном и том же месте», – говорил обыкновенно Абдулла и поступал согласно с этими словами. Великолепное здание, которое он велел выстроить в Багдаде для временного пребывания своего и своих сыновей и которое, со всеми принадлежащими ему пристройками, походило на маленький городок, далеко перещеголяло все дворцы первых сановников халифата. Щедрость Абдуллы, особенно по отношению к поэтам и ученым, казалась даже в те времена совершенно необычайной. Но зато, по-видимому, его заботы о военных силах подвластных

²⁶ «Нух» – арабское произношение библейского имени Ной (*евр.* Ноах).

ему областей отступали на задний план. Правда, лично он выказал себя великим, талантливым полководцем, а позже, там, где оказалось нужно, он проявил подходящую энергию, – но тем не менее время выяснило, что все же он слишком полагался на силу и значение своего дома, при нем именно и достигнувшего вершины могущества. Умирая (230 = 844 г.), он владел, вследствие многих новых земельных пожалований, кроме собственно восточных областей, еще и Кирманом, Мидией, именовался также властителем Ирака, жестоко обираемого халифами и турками, и носил титул главнокомандующего войсками государства и губернатора Багдада. Во всех этих званиях наследовал ему сын его, Тахир II (230–248 = 844–862). Утверждение ближайшего наследника получалось из Багдада всегда без малейшего затруднения. При Тахире II политические ошибки этой династии стали впервые заметны по некоторым их последствиям. Невозможность одновременно управлять в Нишапуре и находиться в Багдаде для исполнения приказания халифов должна была наконец стать понятной обеим сторонам. Вот почему было шагом вперед, что халиф Мутеваккиль в 237 (851) г. передал должности наместника Ирака и губернатора Багдада, только номинально принадлежавшие Тальхе, его брату Мухаммеду ибн Абдулле и вместе с тем предложил ему переехать на постоянное жительство в столицу²⁷. Подобное разрешение задачи, как бы ни казалось разумным, оставалось все-таки половинной мерой, которая не могла привести ни к какому существенному результату в наиболее важном вопросе.

Тахиридам следовало бы освободиться совершенно от всякого участия в незавидном положении дел в Ираке, в этом они легко могли бы убедиться еще в том же 237 (851) г., если бы не были теми самоуверенными, гордыми людьми, какими они всегда были. Еще до того времени, когда Мухаммед переселился в Багдад, в Седжестане²⁸ стал сильно выдвигаться некий уроженец Боста по имени Салих ибн ан-Надр²⁹. Во время волнений, вызванных хариджитами, ему удалось собрать значительные военные силы. Нужно думать, что силы эти состояли из воинственных обитателей соседних гор. Это было первое появление диких племен этих местностей, вмешательство которых должно было позже оказаться решающим в судьбах всего восточного ислама. Жители Седжестана приняли мусульманство, но во всем остальном они, по-видимому, остались такими же со времени принятия их в состав империи халифов, какими были и до того. По крайней мере, теперь, как и раньше, во время случайных мятежей они выказывали такую дикость и такое упорство, с которыми Тахириды еще менее могли справиться, потому что они упустили надлежащий момент для принятия нужных мер. Под маской добровольцев, сражающихся против хариджитов, Салих и его приверженцы скоро подчинили

²⁷ По вышеупомянутому, более правильному положению следует исправить сообщенное мною об этих происшествиях. Особенно же я прошу вместо Мерва читать Нишапур. Тут, в столице Хорасана, Тахир и его потомки фактически имели свое местопребывание.

²⁸ Седжестан (позже произносилось Сейстан – лежащий на юго-восток от Хорасана) представлял собой древний Сакастан, получивший название от народности саков, одного из тех северных племен, о вторжении которых в Ирак упоминалось нами выше. Значит, население страны не было персидского происхождения, хотя она издавна и весьма прочно вошла в состав староперсидского государства. Седжестан родил силача (техемтена) Рустема – самого могучего героя персидских легенд.

²⁹ Сведение о последующих событиях отчасти противоречат друг другу; возможно, что волнения в Седжестане начались еще до 237 (851) г. и продолжались более или менее долго. Седжестан отделен от собственно Хорасана близлежащей горной страной Кухистан. Таким образом, сношения между двумя областями были весьма затруднены и тем самым открыт путь всяким вожделям к самостоятельности со стороны Седжестана. Но вместе с тем нас сильно удивляет то обстоятельство, что при появлении вновь хариджитов и добровольцев около 245 (859) г. мы ровно ничего не слышим о каких-либо решительных мерах или действиях, предпринятых Тахиром. Он предоставляет область самой себе, пока восстание не добралось наконец до Херата и Балха. После убийства Мутеваккиля (247 = 861 г.) бездействие Тахира, хотя и ошибочное и неразумное, все же может быть, по крайней мере, объяснено желанием сохранить в целостности силы Хорасана, чтобы в нужный момент противопоставить их все разрастающейся путанице в западных областях. Но до указанного года бездействие Тахира кажется просто непонятным. О событиях, сообщаемых нами в тексте, ничего не говорит историк Якуби (изд. Houtsma, II), который жил сам во второй половине III (IX) столетия, специально занимался историей Седжестана и Хорасана и писал о династии Тахиридов. Мы были бы вправе предположить, что такой писатель, который во всем остальном выказал себя заслуживающим полного доверия и очень знающим, должен был бы верно описать и эти события. Но у него в указанном месте нет ничего, кроме сообщения, что Якуб Саффар во главе добровольцев и с дозволения Мухаммеда ибн Тахира (значит, после 248 = 862 г.) сражался против хариджитов в Седжестане.

себе всю область. Тахир двинулся против них во главе войска, и ему удалось на время восстановить спокойствие. Но едва он возвратился в свою столицу, как снова разгорелась борьба между хариджитами и добровольцами. В числе добровольцев находился один из сыновей простолюдина Лейса. Нам известны трое его сыновей: Якуб, Амр и Али. О молодости Али у нас нет никаких сведений; Амр зарабатывал пропитание, отдавая внаймы ослов, а Якуб занимался одно время ремеслом саффара, то есть медника. Он был скупой на слова человек, и никто не видел, чтобы он когда-либо улыбнулся. Вечно погруженный в глубокое раздумье, он всегда опускал глаза вниз и отличался большой набожностью. Когда начались стычки добровольцев и хариджитов, Саффар бросил молоток и взялся за меч. Он скоро прославился, сделался первым лицом среди добровольцев, благодаря своей силе и храбрости. Всегда он сражался там, где битва была жарче, и с тех пор, как удар меча одного из хариджитов рассек ему половину лица, у него образовался рубец, идущий через нос вкось по всей щеке и придававший ему действительно лютое выражение. В 247 (861) г. его товарищи по оружию, недовольные своим тогдашним полководцем, поставили во главе своей по общему избранию Якуба ибн Лейса, или, как его обыкновенно звали, Саффара. Честолюбивый и дикий, но одаренный блестящими качествами полководца, Саффар сумел в скором времени ввести среди своих подчиненных порядок и дисциплину. Их влечение к войне и алчность к добыче стали все более и более разгораться благодаря постоянно увеличивавшейся удаче их оружия, вследствие чего отряды эти становятся вскоре бичом всех соседних стран.

А за этот период времени Тахириды продолжают оставаться в бездействии. С 248 (862) г. в Нишапуре после смерти Тахира жил сын его Мухаммед, в то время как одноименный с ним дядя его, Мухаммед ибн Абдулла, тщетно тратил свои силы среди арабов и турок в Багдаде. Из числа качеств, присущих его роду, Мухаммед ибн Тахир наследовал великодушие, благородство, щедрость, любовь к блеску и роскоши и склонность к наукам и искусствам. Но гордая беспечность предков выродилась у него в невоздержанно-беспутную лень и ничегонеделание. Он вовсе не унаследовал от первого Тахира его искусства править государством, а крайняя молодость еще более содействовала тому, что все его слабости выступали как можно ярче. Управление страны он предоставил своим дядьям и двоюродным братьям, так что в Табаристане ведал государственными делами Сулейман ибн Абдулла, брат же Сулеймана, Тальха, правил в самом Нишапуре, между тем как в столичном дворце Мухаммеда царедворцы и поэты кадили ему фимиам, а он сам поклонялся Бахусу. Этот беспечный, любящий роскошь сибарит был, конечно, далеко не равным противником того сурового полководца со страшным рубцом во всю щеку, который едва ли знал другое жилище, кроме полевой палатки, большей частью ел один лишь сухой хлеб, спал не снимая сапог и во всю свою жизнь находил удовольствие только в шуме и грохоте битвы, в довершение всего не имел равного себе соперника также и в дипломатических уловках и лукавстве, основанных на превосходном знании человеческого сердца. «Если ты с кем-нибудь прожил сорок дней и не узнал доподлинно его характера, то не вникнешь в него и через сорок лет», – была одна из любимых его поговорок. Сам он действительно хорошо знал всех, от халифа до последнего солдата и простолюдина, из среды которых он сам вышел. Все его слова – позже он был так же скуп на разговоры, как и сначала, – носили печать лаконической краткости и так превосходно попадали в точку, что всегда производили сильное впечатление на народ.

Перед самой смертью Саффара посланец халифа Мутамида явился от имени своего повелителя для мирных переговоров в главную квартиру ко все еще непобежденному и наводящему страх полководцу даже после поражения его при Дейр-аль-Акуле. Тот велел впустить к себе посланца, несмотря на то что был болен. Подле Саффара лежали меч, ломоть грубого с отрубями хлеба и две или три луковицы. Когда посол передал миролюбивое свое поручение, больной ответил ему: «Вот какие слова скажи от меня халифу: я болен, и если мне придется умереть, то тогда оба мы найдем покой, я от тебя, а ты от меня. Но если я выздоровею, между

нами может быть разговор только с этим мечом в руках, пока я не получу полного удовлетворения или же пока ты не победишь и не столкнешь меня снова в ту темную безвестность, где я, как прежде, должен буду довольствоваться вот этим хлебом и луком». Был ли Мухаммед ибн Тахир вообще в состоянии есть грубый хлеб и лук – сомнительно, да и меч в его руках, если бы он выступил даже во главе всего своего войска, навряд ли напугал бы нового Рустема. В то время как Саффар в столице своей родины, Зерендже, устроился совершенно по-домашнему и в 248 (862) г. мог уже предпринять набег на Герат, злосчастное сплетение интересов Тахиридов с интересами приходящего в упадок халифата доставило ему вскоре такую удачную диверсию на Каспийском море, которая должна была быть решающей для дальнейших его успехов. Лица, находящиеся на службе у Мухаммеда ибн Абдуллы, продолжавшего жить и действовать в Багдаде, но имевшего в Табаристане разные имущественные дела, возбудили неудовольствие в населении своими незаконными поступками. Брат Мухаммеда, Сулейман, бывший в то время младшим наместником области, тоже со своей стороны втянулся во все эти дразги и поддержал интересы Мухаммеда. Тогда негодование и без того всегда трудно обуздываемого горного племени обратилось против самих Тахиридов. Население призвало Алида Хасана ибн Зейда и изгнало Сулеймана и его приверженцев из страны (250 = 864 г.). Восстание распространилось быстро и на соседнюю область дейлемитов и дошло даже до Казвина, так что войска из Багдада, соединившись с войсками из Нишапура под предводительством Сулеймана, должны были совместно действовать, чтобы окружить возмущившихся. Борьба продолжалась с меняющимся успехом в течение года (251 = 865/66 г.), пока наконец хоть временно Хасан был отеснен в неприступные горы Дейлема. Однако уже в 255 (869) г. мы вновь видим его сражающимся с одним из турецких полководцев из Ирака, а в 256 (870) г. он опять овладел Табаристаном. В то время как эти события отвлекали большую часть сил Тахиридов, Саффар в 253 (867) г. ворвался в область Герата, разбил наголову тамошнего вице-наместника и овладел как самим Гератом, так и соседним Бушенджем. В том же году умер в Багдаде Тахирид Мухаммед ибн Абдулла: мы в свое время видели, как его двух сыновей натравил друг на друга халиф Мутазза, и вследствие того влияние их дома потерпело крушение в Ираке. Сулейман пытался снова восстановить это потерянное влияние, отправившись с войском в Багдад в 255 (869) г. на призыв интригующего на все лады Мутаззы, как раз в то время, когда Алид Хасан снова угрожал Табаристану, а Саффар готовился продолжать еще в более широких размерах свои разбойничьи набеги. Изречение, что боги сначала отнимают разум у того, кого намерены погубить, никогда, кажется, не оправдывалось так блистательно, как именно тут, при гибели рода Тахиридов, которые в последние годы своего существования точно были поражены слепотой. Правда, этой гибели их содействовала отчасти и неимоверно лукавая политика Мутаззы. Так, например, когда Али ибн Хусейн, наместник Фарса, желая воспользоваться явным падением дома Тахиридов, задумал отнять у них Кирман, халиф, по бессилию своему не имевший возможности непосредственно вмешаться в это дело, не отказал Ибн Хусейну в дозволении заручиться Кирманом, но одновременно даровал и Саффару наместничество в той же стране. Халиф надеялся, что оба соперника будут держать друг друга на почтительном расстоянии. Но он жестоко ошибся в оценке военной ловкости и силы бывшего медника. Саффар сделал сначала вид, будто он отступает перед полководцем Али, Тауком ибн Мугалиссом. Но когда этот последний удачно занял Кирман и стал после победы легкомысленно и беззаботно пировать, его хитрый противник неожиданно-негаданно как молния бросился на него, взял его в плен и, не вынимая почти меча из ножен, овладел всей областью (255 = 869 г.). Али понял, что ему приходится напрячь теперь все свои силы: Саффар шел на него быстрым маршем, всюду громко объявляя о преданности своей халифу, который будто бы – он лгал, конечно, – даровал ему наместничество не только в Кирмане, но и в Фарсе, и также усиленно выражая негодование на теперешнего бессовестного наместника, который держит на службе курдов-язычников и позволяет им оскорблять и производить насилие над подданными-магометанами. Что курды

Али обращались с народом так же мило, как и турецкая гвардия халифа, – весьма вероятно, но нельзя предположить, чтобы сыны горного Седжестана, проявлявшие себя чистыми волками в битвах, держали бы себя ягнятами в мирных сношениях с населением. Что грабеж шел со всех сторон – вещь доказанная. Однажды великий разбойничий повелитель Саффар сам весьма хладнокровно выразился так: «Мои солдаты – люди свободные, которых я держу и с которыми не могу расстаться прежде, чем будут исполнены все их желания». Но это, конечно, не мешало Саффару выдавать свое войско за бойцов и защитников веры; и они, и в особенности их предводитель, всегда были «набожными добровольцами». Как бы то ни было, Саффар блестяще провел свою кампанию. Когда Али с 15 тысячами солдат запер ему узкий проход, ведущий между высокими горами и рекой Кур в долину Шираза, Саффар велел своим всадникам снять доспехи и вместе с войском бросился прямо в реку. Переплыв через нее, враги неожиданно очутились у фланга войска Али и, разрушив весь его боевой строй, разбили наголову оторопелых солдат, раньше, чем те смогли проделать нужную перемену фронта. Сам Али попался в плен, и с него, так же как и с Таука, были взяты в виде выкупа неслыханные суммы денег, все же остальное страшно разграблено. Тогда желания «свободных людей» были удовлетворены, и Саффар послал халифу в подарок, в качестве верноподданного наместника Кирмана и Седжестана, каким он теперь числился, мускуса, несколько верховых коней, охотничьих соколов и роскошных одежд. Затем он удалился со своей добычей, отказавшись на время от обладания Фарсом, хотя с милым намерением вернуться весьма скоро. Выполнить это намерение он решил в 257 (871) г., а так как в это время халиф Мутамид, правивший с 256 (870) г. – или, вернее, дававший за себя править своему брату Муваффаку, – находился как раз в самой сильной борьбе с зинджами, то выбранный момент был действительно наиболее благоприятным для возобновления старой игры. Муваффак не имел ни малейшего желания видеть на собственной шее «наместника Седжестана» с его неразлучными спутниками солдатами и отделался от угрожавшего ему посещения дарованием Саффару другого наместничества, подальше. В ущерб Тахиридам, которые уже не могли быть опорой для центрального правительства, Саффару предоставили Балх, Тохаристан и всю местность дальше до океана и до индийской границы. Эти области были населены разными интересными народностями, так, например, кабульскими турками и их соседями, горными племенами гур и пушту.

Пусть, думал Муваффак, неудобный вассал съест о них себе зубы. Но могучий полководец удачно справился и с этой трудной задачей. Отняв Балх у Тахиридов и довольно умеренно опустошив его, он ворвался через проходы Гиндукуша в долину Кабула. В течение почти целого столетия ни одному наместнику не дерзала прийти в голову мысль коснуться самостоятельности турецких владык Кабула, и жители страны могли спокойно совершать свое индийское идолопоклонство. Теперь этому был положен конец. Чего не достигли первые великие мусульманские завоеватели, то было совершено Якубом-медником. Он увел в плен кабульского владыку со всеми его сокровищами и всеми его идолами, – и только с этих пор Кабул стал действительно магометанской областью. Мы не ошибемся, если предположим, что все воинственные жители соседних местностей по личной охоте усиливали собой войска столь славного завоевателя, халифу же достались идолаи побежденных, которые Саффар, вместе с другими подарками, как всегда, очень любезно послал в Багдад. Быть может, что они послужили назиданием Мухаммеду ибн Тахиру, но правитель государства Муваффак, наверное, взглянул на них с несколько смешанным чувством.

Пока эмир Седжестана был занят организацией обширных областей, которые он присоединил к своим владениям и которые, по достоверным сведениям, захватывали даже некоторые части Пенджаба, дела Мухаммеда ибн Тахира очень быстро портились. Алид Хасан, бывший теперь неоспоримым властителем Табаристана, ворвался в 258 (872) г. в Джурджань, чтобы овладеть этой местностью. А так как Нишапур отстоит от границы этого восточного прибре-

жья Каспийского моря всего лишь на какие-нибудь 40 миль, Мухаммед ибн Тахир наконец-то собрался теперь с духом для защиты своей родной страны; но, как оказалось, слишком поздно.

Победы храбрых его врагов, противодействовать которым он до тех пор почти что и не думал, наполнили души преданных его династии подданных негодованием и страхом, а дурно расположенных к ней – склонностью к возмущению. В то время как войско его спасалось бегством перед отрядами Хасана (258 = 872 г.), в разных местностях Хорасана, особенно в горном Кухистане, разгорелись мятежи. Эти новые затруднения, совместно с разными другими, должны были наконец привести к катастрофе. За это время в Седжестане, в отсутствие Саффара, некий Абдулла ас-Седжези (Седжестанец) поднялся против Саффара. Хотя устрашавший всех и победоносный полководец мог безусловно и смело довериться своему войску, но во врагах не могло быть недостатка у такого беспощадного забияки, как Саффар. Когда он вернулся на родину, мятежный Абдулла со своими приверженцами должен был быстро спастись бегством и бросился в соседний Кухистан, где в заключение нишапурский властитель и Абдулла пришли к обоюдному соглашению, по которому беглец принял на себя охранение порядка на юге, на границе Седжестана. И повелителю, одаренному большей долей терпимости, чем Саффар, не могло бы понравиться такое непосредственное соседство мятежника. А так как Мухаммед ибн Тахир, высокомерный и гордый как всегда, наотрез отказался выдать Абдуллу, Саффар без дальнейших переговоров нагрянул с войском прямо в Хорасан. Когда гонец прибыл с этим известием во дворец Тахирида, Мухаммед только что удалился в свои покои для послеобеденного отдыха и, как всегда, заботясь исключительно о своих удобствах, строго запретил будить себя. «Ну, – объявил тогда гонец, принесший злополучную весть, – теперь уже скоро прибудет сюда тот, кто не побоится разбудить его».

Благодарность и верность – такого рода качества, которые, по-видимому, и в настоящее время еще реже встречаются в Персии, чем где-либо в других странах. Но и тогда самые знатные сановники государства поспешно отвернулись от слабого своего повелителя, войско его потеряло еще раньше свою энергию и бодрость благодаря предшествовавшим событиям, и таким образом всякое сопротивление оказывалось бесполезным. Беззаботный Мухаммед сумел придумать для своей защиты одну только достаточно безобидную выходку: он послал навстречу Саффару гонца с вопросом, может ли он предъявить назначение его халифом наместником Хорасана.

«Вот мое назначение», – ответил Саффар, ударив рукой по мечу. А так как противник его не имел возможности спорить против столь веского довода, то решил подчиниться необходимости. Если судить по обычным приемам Саффара, победитель отнесся к побежденному на этот раз еще довольно-таки милостиво: он удовольствовался тем, что держал Тахирида у себя в лагере в не особенно тяжелом плену. Правда, избалованный князь должен был сопровождать отныне полководца во всех его странствованиях, причем ему, вероятно, не раз суждено было лишаться послеобеденного сна, пока наконец в 262 (876) г. ему после поражения Саффара не посчастливилось вновь приобрести свою свободу. Но он воспользовался ею только для того, чтобы опять отдаться прежней роскошной и праздной жизни в великолепном своем дворце в Багдаде.

Саффар достиг теперь вершины своего могущества. Он был признанный, неоспоримый властитель всех стран между Оксусом, Индусом и океаном вплоть до великой персидской пустыни, включая сюда и Кирман, то есть он владел, в общем, почти половиной всего халифского государства.

Счастье – необходимое условие даже для самого могучего военного героя: со взятием Нишапура настал для Саффара тот момент, когда непостоянная богиня удачи повернулась к нему спиной. При осаде Хорасана Абдулла ас-Седжези снова спасся бегством, но Саффар решил во что бы то ни стало овладеть им не только из одного упрямства, но также и для того, чтобы напугать всех тех, которым пример мятежника показался бы достойным подражания.

Преследуемый Абдулла искал убежища у Алида Хасана, владения которого, охватившие в ту пору уже весь Джурджань, Табаристан, Дейлем, Казвин и Рей, и без того грозили ему опасным столкновением с довольно-таки бесцеремонным пограничным соседом. На требование, предъявленное Саффаром, Хасан отказался выдать ему Абдулла, что, конечно, оказалось достаточно веской причиной для могучего полководца, чтобы тотчас же нагрянуть на Джурджань и Табаристан. Но этим двум местностям, которые и по настоящее время доставляют немало хлопот всем владыкам Персии, суждено было положить предел удачам Саффара, подобно тому как они же были причиной гибели Тахиридов. Сначала и тут Саффар сломил всякое сопротивление, но в непроходимых ущельях Дейлема, в которые он дерзнул идти вслед за врагами, он потерял 40 тысяч человек. Наконец в 260 (874) г. он добился хоть того, что бежавший между тем в Рей Абдулла попался ему в руки. Саффар казнил его, но ему не удалось помешать изгнанному Хасану в 261 (875) г. снова укрепиться в Табаристане. Разные обстоятельства были причиной того, что в это время Саффар сделал нападение на Фарс, где Мухаммед ибн Василь стал более сильным, чем то казалось дозволительным бывшему меднику. К тому же, судя по прежним опытам, эмир мог рассчитывать здесь на более продолжительный успех, чем тот, который выпал на его долю среди скал каспийских горных ущелий. Мы помним, что он в самом деле завоевал Фарс и часть Хузистана, но затем, после тщетных переговоров при Дейр-аль-Акуле, близ Тигра, впервые оказался побежденным войсками правителя государства Муваффака в открытой битве (262 = 876 г.).

Непреклонный, пока возле хлеба и лука лежал еще и его победный меч, Саффар продолжал борьбу; но дальновидная политика правителя недаром всюду за его спиной восстанавливала против него врагов. Еще в 261 (875) г. в Хорасане вспыхнуло восстание, вызванное сторонниками павших Тахиридов, и Хусейн, более мужественный брат Мухаммеда ибн Тахира, сумел успешно разжечь это восстание. Одновременно Саманид Насер ибн Ахмед был непосредственно из Багдада утвержден в звании наместника Самарканда, чем для будущих времен на северо-восточной границе владений Саффаридов была создана могучая, соперничавшая с ними область. Правда, понадобилось более десяти лет на то, чтобы Насер уладил различные внутренние затруднения, в особенности же достаточно неприязненные отношения к одному из своих братьев, живших в Бухаре. Но дружественный союз Саманидов с мятежниками в Хорасане, вследствие которого Саманиды заручились прикрытиями и защитой с тыла, был заключен уже Насером давно и имел величайшее значение в борьбе с Саффаром. Также и в Хорасане борьба эта велась из разных мест. Каждый военачальник, имевший под командой тысячудругую солдат, мог воспользоваться удобным случаем и, прикрываясь именем Тахирида или халифа, провозгласить себя повелителем какой-нибудь местности и затем вести оттуда войну против других своих конкурентов. К этим подражателям старого Саффара, которых постоянно набиралось трое или четверо, воевавших друг с другом, – приходится еще причислить и повелителя Табаристана – Алида Хасана, а позже, после смерти его (270 = 884 г.), его брата Мухаммеда, которые, и тот и другой, имели дело то с одним, то с другим в облике друзей или врагов.

Мы отказываемся передавать во всех подробностях эту войну всех против всех. Когда бывший медник, честолюбие которого перевернуло все вверх дном в столь счастливой до него стране, все еще занятый новыми планами против халифата, наконец, вследствие болезни, окончил беспокойную свою жизнь в 265 (875) г. в Джундишапуре, общее смятение достигло высшей степени, так что и тогда уже казалось почти немислимым вообще положить ему конец. Несмотря на это, Амр ибн аль-Лейс, брат и наследник Саффара, не потерял мужества. По дошедшим до нас сведениям, этот человек обладал выдающимся дарованием государственного деятеля и умением ловко обращаться с людьми. Когда брат его возвысился до звания полководца, Амр отказался от своего ремесла – отдачи внаем ослов, – чтобы вместе с другим своим братом Али, третьим сыном Лейса, принять участие в неожиданном величии, выпавшем на долю их рода. Быть может, чувство ревности старшего брата к младшему помешало Амру еще

при жизни Саффара играть более выдающуюся роль, подобно тому как позже сам он тоже не поддерживал хороших отношений с третьим братом – Али. Во всяком случае, нужно отдать ему справедливость, что он при самых трудных условиях мужественно продержался двадцать три года и несколько раз восстанавливал, по крайней мере временно, бывшее государство своего брата. После того как войско признало его повелителем, он выкинул прежде всего очень умную штуку: торжественно подчинившись правителю государства Муваффаку, он этим обеспечил за собой назначение на должность наместника в Хорасане, Синде, Седжестане, Кирмане, Исфахане и Фарсе. По крайней мере в первое время он не имел большого значения в Фарсе, но с восточной стороны, после битв с переменной удачей, он все же укрепился, сумев ловко восстановить друг против друга разных мятежников. Даже более – одного из них он успел склонить на свою сторону. Таким образом, у него были совсем не дурные карты в руках, в особенности когда он в 268 (881/82) г. подчинил себе еще и Фарс и часть Хузистана. Но в 270 (883) г. у Муваффака после уничтожения зинджей развязались руки, и теперь медаль повернулась своей обратной стороной.

Амру поставили требование очистить Фарс, а также отказаться и от Хорасана в пользу Мухаммеда ибн Тахира. Когда же он не согласился выполнить эти требования, войска халифа двинулись против него (271 = 884 г.), и в 274 (887) г. он окончательно был вытеснен из Фарса самим Муваффаком. За это время, тоже в 271 (884) г., один из эмиров, сражавшихся в Хорасане, Рафи ибн Харсама, фактически овладел страной, и Мухаммед ибн Тахир был назначен наместником Хорасана только номинально, так как в действительности он и теперь, как с самого дня своего освобождения из плена у Саффара, постоянно жил и наслаждался жизнью в Багдаде, предоставив Рафи управлять страной. Таким образом, у Амра оставался один лишь Седжестан и Кирман, пока в 279 (892) г. Рафи, отнявший в 277 (890) г. у Алида Мухаммеда ибн Зейда Табаристан, не возмечтал о себе слишком много и не задумал присоединить к своим владениям еще и Мидию.

Энергичный Мутаид, только что вошедший на халифский престол, объявил алчного своего вассала смещенным с его наместничества и снова передал Хорасан Амру. После разных событий Алид Мухаммед, разумеется, снова вмешался в дело. Рафи был убит в 283 (896) г., и кроме Хорасана Саффарида приобрел снова Табаристан. Но честолюбие его все еще не было удовлетворено, и ему пришла в голову несчастная мысль приняться теперь за Трансоксанию. Там умер в 279 г. (892/93) г. Саманид Насер; брат его Измаил, который ему наследовал, был воинственный властитель; он отбросил назад войско Амра, проникшее уже до Бухары, и в то время, как Амр готовился лично переправиться через Оксус, Измаил предупредил его и, разбив при Балхе, взял в плен (287 = 900 г.). Энергично пользуясь победой, он не только занял теперь страну между Балхом и Нишапуром, но пошел войной еще в том же году на Алида Мухаммеда, убил его и завоевал Джурджань и Табаристан. Таким образом, бывшие владения Саффарида большей частью отошли в руки Саманида. Один только Седжестан оставил Мутаид Тахиру, внуку Амра. Сам же Амр был в 288 (901) г. отправлен в Багдад и вскоре после смерти халифа 289 (902) г. умерщвлен здесь в тюрьме. Ни Тахир, ни дядя его Лейс ибн Али, пытавшийся оспаривать у Тахира его наместничество, не были вылеплены из того теста, из которого были сделаны их отцы. В конце концов им пришлось уступить свою власть узурпатору, и, когда вслед за тем в Седжестане начались бесконечные мятежи, вызванные другими Саффаридами, Саманид Ахмед ибн Измаил, который в 295 (907) г. наследовал своему умершему отцу, занял в 298 (910/11) г. Седжестан.

Два года спустя еще раз один из племянников Тахира Амр ибн Якуб сделал неудачную попытку восстания. В конце 300 г. (в середине 913 г.) его отправили пленным в Бухару. С ним прекратилась эта столь краткая династия; мнимые потомки ее играли позже некоторую роль среди газневидов, однако без выдающегося значения.

Глава 3

Саманиды и буиды

Как бы ни было велико несчастье, причиненное разбойничьей войной Якуба Саффара большей половине персидских владений, могучий эмир все-таки провел одну меру, которая способствовала прогрессу нации, – полнейшее отделение от халифата всех провинций, лежащих к востоку от большой пустыни, чего Тахириды, благодаря богатой последствиями ошибке, не сумели сделать вовремя. Может быть, после падения Саффарида Амра было бы возможно возобновить аббасидское влияние в этих областях, но расцвет халифов после Мухтади закончился с преждевременной смертью Муктефи (295 = 908 г.), и когда во время несчастного царствования Муктедира эмир Мунис время от времени пытался удержать Борман, Фарс и Мидию в прямом подчинении багдадскому двору, то он не мог выполнить даже этой задачи, не говоря уже о том, чтобы простереть свою власть за пределы Бирмана³⁰, до такой степени ослабело раздираемое карматами, Саджидами и Хамданидами центральное управление. Таким образом, весь восток был открыт для владычества Саманидов. Они никогда не переставали формально признавать верховенство багдадских халифов и ставить имена последних на своих монетах, но фактически их династия, со времени храброго Измаила ибн Ахмеда, истинного основателя их государства (царствовал в 279–295 = 892–907 гг.), и в особенности со времени пленения Саффарида Амра (287 = 900 г.), была совершенно независима, и им никогда не приходило в голову посылать дань в Багдад или чем-нибудь помочь лежащей при последнем издыхании светской власти халифата. Когда же их владения, кроме Трансоксании, захватывали еще и области Балха и Герата³¹, Седжестана, Хорасана, Джурджана, Табаристана и Рея (Северной Мидии), когда, с другой стороны, наместники Исфахана, Кирмана и Фарса сохраняли стремление освободиться от падающей власти халифов, то может показаться, как будто персидские провинции имели уже тогда полную возможность соединиться в одно большое национальное государство. Но об этом тогда еще и речи не возникало; напротив, история последующего столетия сводится к тому, что персы доказали свою полную неспособность основать, на почве отношений, созданных исламом, самостоятельный и сколько-нибудь прочный государственный строй, который объединил бы все составные части народа от Бухары до Шираза.

Причиной этого был недостаток постоянства и единомыслия и отсутствие связующего элемента, которым со временем должно было послужить только начинавшее развиваться шиитство. В некоторых местностях, преимущественно в прикаспийских провинциях, свободолюбивое население, которое давно уже отложилось от Аббасидов, присоединилось к воинственному зову Алидов; в других местах правоверие и шиитство еще уравнивались, а местами между ними не существовало еще резкого распада. Так что о шиитстве, которое во всех округах Персии заменяло бы отсутствующий патриотизм, как это было впоследствии при Сефевиде³², тогда не могло быть и речи. При таких условиях объединение всего народа могло быть только насильственным, под рукою гениального правителя или великого завоевателя; но такого деятеля судьба не дала тогда стране; а когда он явился, и опять во главе чужеплеменного нашествия, Персия была самым злополучным образом раздроблена; это было бедствием, от которого и Саманиды не могли ее предохранить.

Династию, правившую между 287 (900) и 389 (999) гг. Трансоксанией и подчиненными ей областями, нельзя причислить к слабым и неспособным. Недаром подданные Саманидов,

³⁰ Последняя слабая попытка к этому произошла в 301 (914) г. в Седжестане, но не имела успеха.

³¹ С. Мирхонеда, *Histoire des Samanides*, p. de Frémery, Париж, 1845.

³² Кабул только после смерти Саффара вернул себе независимость.

незадолго до конца их правления, дали им следующее определение: «Глина³³, из которой возведен дом Самана, пропитана водой из источника щедрости и великодушия; прощение и забвение ошибок и проступков слуг своих – старый обычай и известное обыкновение членов этой семьи». В самом деле, основною чертой политики Саманидов является стремление с широкой терпимостью согласовать интересы населения различных местностей и различных классов народа в одной и той же местности. Едва ли где-либо на Востоке в Средние века мы можем встретиться с такой широкой религиозной веротерпимостью: при этом дворе могло случиться, что один поэт, аль-Кисаи из Мерва, воспевал хвалу Али и двенадцати имамам, а другой, Дакики из Туса, даже открыто заявлял себя последователем учения Зороастра. Точно так же мало соответствовала обыкновенным нравам исламских властелинов та легкость, с какою мятежные наместники получали помилование, как только они приносили покаяние в своем самоуправстве; причем прощение применялось не затем, чтобы при первой возможности коварно избавиться от помилованного, а было вполне искренно. Взаимное отношение между членами царствовавшего дома было гораздо дружественнее, чем среди семейств Омейядов и Аббасидов: при неопределенности закона о престолонаследии и вследствие чрезмерного влияния высших сановников государства на занятие престола тем или другим лицом часто возникала борьба партий; однако можно указать только на один случай, где, при крайне затруднительных условиях, один из Саманидов решился приказать выколоть глаза двум своим мятежным братьям. Такого рода внутренней политике, которая была возможна только благодаря известной умеренности со стороны некоторых влиятельных знатных родов, вполне соответствовало не менее ясно выраженное миролюбие и во внешней политике. Замечательное совпадение представляет то обстоятельство, что воинственный дух встречается только у первого действительно самостоятельного эмира Измаила ибн Ахмеда и у последнего представителя своего рода, Измаила, прозванного Мунтасиром, сделавшего тщетную попытку восстановить владычество своих предков. Другие же члены этого дома, проживая в Бухаре, которую Измаил избрал своей резиденцией, наряду с придворной жизнью внимательно следили за образом действий своих наместников и ленников. Первые признаки мятежа усмирялись немедленно, причем эмиры редко становились лично во главе войска, в большинстве же случаев предоставляли это своим полководцам. Ни один из них, кроме Измаила, не переходил за северные границы для поисков славы и добычи в областях турецкого хана; враждебность проявлялась только тогда, когда приходилось отражать вторжения, которые случались весьма редко. Население Кабула и прилегающих к нему округов, кроме долины Газны, доступной со стороны Седжестана, представлено было самому себе, подобно Гуру. Только с одной стороны невозможно было удерживать мирную политику: на западе узкая полоса, которую образовали Джурджань и Табаристан, между саманидским Хорасаном и индийскими округами, представляла мост для постоянных вторжений неудобных соседей. В продолжение целого столетия здесь почти непрерывно нарушался мир, и, чтобы по возможности защитить Хорасан, бухарские эмиры принуждены были вмешиваться в дела тех провинций, которые они, надо полагать, при других условиях предоставили бы самим себе. Саманидское государство, по всему своему строю, несколько не было расположено делать серьезные попытки поглощения западноперсидских областей; для этого потребовалось бы слишком большое напряжение всех их сил. Вследствие того, что халифат не в состоянии был удержать за собой Кирман, Фарс и Мидию, а злополучный партикуляризм не допускал объединения, их непрерывные столкновения и беспорядки здесь – явления вторичные. Все это, при бессильном раздроблении указанных областей, было бы для Саманидов безразлично, если бы не беспокойное население гор и ущелий Прикаспийского побережья, которое, при общем упадке, несмотря на свою малочисленность, представляло силу первосте-

³³ Мелкольм, *History of Persia*, Лондон, 1815, II.

пенной важности. И в лучшие свои времена халифат не вполне мог с ними справиться, поэтому они пользовались первой возможностью для набегов в богатые местности Мидии и Хорасана.

Кажущейся побудительной причиной их набегов была преданность дейлемитов и табаристанцев Алидам, которые со своей стороны нашли здесь впервые действительную почву для борьбы с аббасидским халифатом. Они не были уничтожены одновременно с Саффаридами, хотя их представитель, Мухаммед ибн Зейд, и погиб во время последней войны. Для обеспечения мира Хорасану Саманид Измаил принужден был, кроме Джурджани, также занять Табаристан: согласно распоряжению халифа Муктефи, он одновременно завладел и Реем, куда он назначил наместником своего племянника, Мансура ибн Исаха. В продолжение царствования Измаила и в начале царствования сына его, Ахмеда II (295–301 = 907–913), все, по-видимому, шло хорошо, но другой представитель Алидов, Хасан ибн Али, прозванный аль-Утруш («немой»), сеял смуту между дейлемитами. В 301 (913/14) г. он организовал восстание среди табаристанцев, недовольных своим саманидским наместником, и низкой хитростью овладел всей страной. Затем он направился на Джурджань и Хорасан в 315 (927) г., завладел Реем, и с тех пор эти провинции вместе с Прикаспийским побережьем ушли из-под непосредственного владычества Саманидов.

Последние придерживались самой разумной с их стороны политики, заключавшейся в возможно меньшей трате своих сил для борьбы в этих отдаленных провинциях и предоставлении их милому населению быть вполне самим собой до тех пор, пока трудно угасимый огонь этот не давал себя чувствовать и в Хорасане. Последнее случалось довольно часто, и саманидские наместники в Нишапуре, принадлежали ли они семье царствующего дома или были, как впоследствии, представителями других знатных родов, редко могли противостоять искушению воспользоваться этой непрерывной борьбой для занятия независимого от Бухары положения. При сыне Ахмеда, Насере II (301–331 = 914–943 гг.), который вступил на престол еще ребенком, такого рода события не представляли еще прямой опасности для царствующего дома; едва достигнув 20-летнего возраста, он сам в 313 (925) г. во главе войска направился в Рей; а потом ему пришлось подавить мятеж, вызванный за его спиной двумя его братьями. Но правитель этот, который проявлял, как нам передают, кроме энергии, много приветливости и великодушия и покровительство которого дало сильный толчок развитию персидской поэзии, скончался на 38-м году жизни.

Царствование его сына Нуха II (331–344 = 943–954), вследствие возматившего неподчинения ближайших его родственников, других эмиров, и войска, становилось уже довольно беспокойным. Но за этим умным правителем надо признать ту заслугу, что он не только, подобно своим предкам, явился покровителем науки и искусства, но и сумел ловкой политикой удачно бороться со своими внутренними и внешними врагами. Деятельность его была настолько успешна, что кратковременное царствование сына его Абдальмелика I (343–350 = 954–961), который убит при падении с лошади, прошло почти спокойно. Но его преемник, брат его Мансур I (350–365 = 961–976)³⁴, в числе своих противников до вступления на престол имел влиятельного турецкого эмира Алитегина, тогдашнего наместника Хорасана. Когда вскоре после вступления на престол Мансур пригласил наместника ко двору, турок увидел в этом для себя опасность. Так как большинство его подчиненных отказались изменить Мансуру, он в сопровождении нескольких тысяч³⁵ приверженцев бросился в Балх, откуда через Кабульские проходы перешел в Газну, где укрепился и разбил войска, высланные против него Мансуром. После его смерти несколько его товарищей были последовательно предводителями все усиливающихся новым приливом отрядов, и наконец власть перешла к другому предста-

³⁴ По другим известиям, особенно столь достоверного Ибн аль-Асира, Мансур умер только в 366 (977) г., я же считал нужным придерживаться Утбия, который стоял ближе всех к этим происшествиям.

³⁵ По другим источникам, около 700 человек.

вителю турецкого племени – Себук-тегину (366 = 977 г.). Будучи выдающимся полководцем, он для расширения своих владений предпринимал походы в Седжестан, в Афганистан (здесь мы встречаемся в первый раз с этим названием, которое равнозначно Пушту), простирая свои набеги до богатых индийских владений; позднее, по приглашению сына Мансура, Нуха II (366–387 = 977–997), он со своими войсками умирал опасные мятежи в провинциях, которые составляли сердце Саманидского царства.

У каспийских народов, особенно у жителей Дейлема, менее чем где-либо в Персии, предпочтение, оказываемое ими Али и его роду, имело побудительной причиной вопросы религии. Независимый дух этих племен, бывший источником такого предпочтения, тотчас же направлялся против самих Алидов, коль скоро те после победы мечтали серьезно приняться за управление предполагаемых своих почитателей. Главари, которым выпадала первая роль при таких условиях, были люди вроде Саффара, бесцеремонные предводители шаек, которые, по миновании надобности, не признавали над собой ничьей посторонней власти, хотя бы даже самого Али, и нисколько не стеснялись переходить на службу даже к врагам своих имамов, если только они предвидели вознаграждение или добычу. Многие из них были еще последователями Зороастра, из таких элементов не могло образоваться объединенное алидское государство.

Поэтому прошло немного времени после побед Утруша и вскоре затем последовавшей его смерти (304 = 917 г.), когда подданные стали выражать свое недовольство его преемниками. Начались бесконечные войны между Алидами, саманидскими наместниками и несколькими предводителями местного ополчения; между последними выдвинулся своими победами некто по имени Мердавидж ибн Зияр³⁶, родом из Гилана, причисленного к Дейлему. К 320 (932) г. он изменническим образом составил себе довольно значительное государство, которое, кроме большей части³⁷ Джурджана, Табаристана и Дейлема, заключало в себе всю Мидию до Хамадана, Хульван и Исфахан, и отсюда полчища его предпринимали свои хищнические набеги на Хузистан. Но его могущество было не очень-то продолжительно.

В числе его военачальников находились три сына Абу-Шуджа, Буя из Дейлема, который раньше сражался под знаменами Саманидов и их потомков. Это были: Али, Хасан и Ахмед, Бунды, как их обыкновенно называют по имени их родоначальника. Это были суровые, жестокие люди, которые едва ли признавали какую-либо религию, кроме своего меча, хотя по привычке они выдавали себя за шиитов. Старший из них, Али, повелевал всем войском, которое находилось под их знаменами; он отнял Исфахан у наместника халифа Кахира. Эта победа особенно обеспокоила Мердавиджа, который и без того относился с недоверием к Бундам; он предчувствовал в них неудобных конкурентов и предпочел вернуть Исфахан бессильным халифам, чем оставлять его в руках таких опасных друзей. Но этим он превратил их в открытых врагов: хотя сначала они отступили на юг к Арраджану, лежащему в Фарсе (320 = 932 г.), но теперь стали воевать совершенно самостоятельно. Счастье покровительствовало Бундам, и они несколько раз разбили наместника халифа, покорили Шираз (322 = 934 г.) и завладели целой провинцией; после смерти Мердавиджа (323 = 935 г.) они отняли у его брата и преемника Вашмегира Мидию от Исфахана до Рея и Казвина. Борьбу из-за индийских городов, не прекращавшуюся до смерти Вашмегира, вел Хасан; Али оставался в Фарсе. Третий Буид, Ахмед, занял Кирман и затем направился к Хузистану, правителями которого именем халифа были тогда сыновья Баридия.

Борьба между ними и различными эмир аль-умара облегчила Ахмеду его наступательное движение на запад; если бы ему не приходилось так часто уклоняться, чтобы поддержать брата своего Хасана против Вашмегира, он бы мог еще гораздо раньше добраться до Багдада

³⁶ Или Зияд, по более старинному, но менее верному произношению, и вследствие этого род Мердавиджа назывался также зиядитами.

³⁷ В некоторых округах Алиды держались еще гораздо позднее, но внешнее влияние их было уже очень незначительно.

(334 = 945 г.). Одновременно с тем, как халиф вынужден был дать ему почетный титул Муызз ад-Даула («укрепитель государства»), братья его, Али и Хасан, названы были Имад ад-Даула («опора государства») и Рукн ад-Даула («столп государства»); и подобные же прозвища наряду с собственным именем, а иногда и вместо собственного имени получали их преемники.

Таким образом, к 340 (951/52) г. в Персии было три государства: на востоке – Саманид с Трансоксанией, с полунезависимым, с собственным шахом, Хорезмом (Хивой), Балхом, Мервом, Гератом и Хорасаном; на западе – Бунд с Кирманом, Фарсом, Хузиستانом и Ираном, а между ними Вашмегир с Джурджаном и Табаристаном; Мидия же, и особенно Рей, является яблоком раздора для всех трех. Маленькое государство Вашмегира, заключенное между крепко сидящими на своих местах Саманидами и быстро возрастающей силой Бундов, которые владели половиной Персии, должно было скоро почувствовать себя точно в тисках. И действительно, в 331 (943) г. Рукн ад-Даула завладел Реем, и хотя один из полководцев Саманида Нуха II отнял у него Рей, но Вашмегир уже не был в состоянии одновременно бороться с обоими врагами, тем более что отряды мятежников и бухарские войска в самом Табаристане и Джурджани доставляли ему значительные затруднения. Все это заставило его (332 = 944 г.) броситься в объятия Саманидов, для которых союз с таким выдающимся полководцем был весьма желателен; он, как и наследовавшие ему сыновья, Бисутун (356–366 = 967–976/77) и Бабус (366–403 = 976/77—1012/13), невзирая ни на какие перемены обстоятельств, верно служили бухарским эмирам, особенно же с тех пор, как Бунды окончательно захватили у них их владения и им пришлось разделить со своими союзниками печальную участь быть вытесненными сильнейшими. Бунды овладели всей Мидией, включая Рей с округами, с постепенно все более выходящими из повиновения саманидскими наместниками в Хорасане и различными предводителями шаек, вечно зияющая рана на этой окраине саманидского государства должна была довести его до окончательного истощения. Победы, доставшиеся на долю Бундов, принесли им мало счастья. Обладая таким обширным государством, они могли бы многое сделать, если бы их династия в короткий промежуток времени не распалась бы на бесконечное множество владений князьков; междоусобные распри привели их к гибели почти настолько же быстро, насколько блестяще было их возвеличение.

Отсутствие твердых законов престолонаследия, висевшее как проклятие над всеми восточными народами, – и избавиться от которого удалось только Османам практичной и столь же ужасной мерой – скорее, чем кому бы то ни было, дало себя чувствовать Бундам. Достоин удивления то согласие, которое до конца царило между тремя братьями, родоначальниками, и умение, с которым один из них, переживший других, сдерживал молодых подрастающих родственников. Но с его смертью (366 = 977 г.) распались последние узы, связывающие многочисленных членов этого дома.

Государство халифов распалось вследствие невозможности управлять из Багдада, как из центра, непокорными наместниками, и та же причина извела династии государств, которые выросли на месте его распада: только Бундов, соответственно происхождению их могущества, постигла другая участь. По происхождению своему они не отличались кротостью, и последствия продолжавшегося деления их государства отягчались еще непрерывными семейными войнами. Причина, побуждавшая их к делению, понятна. Как шиитам, им и в голову не могла прийти мысль считать себя только наместниками аббасидских халифов. Правда, за этими последними, ввиду суннитских слоев народа, было сохранено право сохранять свое имя на монетах и поминаться в молитвах, и у них же они продолжали брать свою инвестицию, но войско, состоявшее из дейлемитов и игравшее главенствующую роль, было не восприимчиво к подобному наименованию: наместников. Войско признавало только сыновей Буи, которые предводительствовали им к победам, славе и добыче, поэтому требовалось, чтобы им продолжали предводительствовать те же сыновья Буи. От этих воззрений не решались отучить войско; поэтому все важные военные посты замещались по возможности членами семьи, то есть все

провинции распределялись между членами этого рода. Но так как все эти члены были между собой равноправны, как первые три брата между собой, то верховный авторитет существовал лишь до тех пор, пока находился в живых один из трех братьев – основателей государства. Как только последний из них умер, двоюродные братья немедленно сцепились друг с другом не только из-за вопроса, кому быть теперь эмиром эль-умара, сколько из-за разделения могущества по существу, а оно зависело от величины владений каждого.

После округления буидских владений Кирманом, Фарсом, Мидией, Хузиستانом и Ираком самый спокойный и непритязательный из всех братьев, Имад ад-Даула, удовлетворился завоеванным им Фарсом и признанием его главой рода. Мидия досталась Рукн ад-Дауле, а Хузистан и Ирак Муъизз ад-Дауле. После смерти Имада³⁸ главенство в роде перешло к следующему за ним брату Рукну, а Фарс, за отсутствием прямых мужских наследников, достался старшему сыну Рукна, Адуд ад-Дауле («рука государства»). Он был очень честолобив; после смерти дяди его Муъизза (356 = 967 г.) Багдад и Ирак перешли к его сыну, Бахтияру, по прозвищу Изз³⁹ ад-Даула; при его слабом правлении начались столкновения и междоусобия дейлемитов и наемных турецких войск. Адуд явился по его зову на помощь своему двоюродному брату, но после восстановления порядка взял с собой в плен слабого правителя и захватил себе его государство. Руки ад-Даула, который очень дорожил согласием между членами своего рода, сильно возмутился самоуправным поступком Адуда, и ярость его была так велика, что Адуду, боявшемуся, что ему самому придется пострадать вследствие гнева высокочтимого всеми дейлемитами главы рода Бундов, пришлось уступить.

Примирение состоялось, и Бахтияру были возвращены его владения. Незадолго перед своей смертью Руки ад-Даула (366 = 976 г.) призвал своих трех сыновей в Исфахан и напомнил им о необходимости единения и согласия, которым дом Бундов обязан своим возвышением; после чего он назначил Адуд ад-Даулу своим преемником и владельцем всего государства, выделив из него лишь Исфахан с прилегающими землями для Муайид ад-Даулы и остальную часть Мидии для Фахр ад-Даулы, однако же все это под сюзеренством Адуда. Когда же Рукн ад-Даула умер в том же году (366 = 976), в Рее начался раздор между братьями, вследствие которого Муайид с согласия Адуда захватил владения Фахра; только после смерти бездетного Муайида (373 = конец 983 или начало 984 г.) знатные люди государства вызвали обратно бежавшего перед тем в Нишапур Фахра, который теперь стал управлять Мидией, Табаристаном и Джурджаном, до тех пор, пока они не были отобраны у Кабуса. И позже области эти остались за его потомством, хотя и не без междоусобия; эту династию мы будем называть Буидской династией Фахр ад-Даулы. Вероятно, Адуд постарался бы воспрепятствовать образованию этой династии, если б он не умер раньше Муайида.

Тотчас же после смерти отца своего Рукн ад-Даулы жестокий и упрямый Адуд снова вытеснил своего двоюродного брата Бахтияра из Багдада, а затем, когда Бахтияр нашел поддержку у Хамданита Абу-Таглиба, он разбил его при Текрите, взял в плен и убил. Таким образом было устранено и потомство Муъизза, так как попытка, предпринятая сыновьями Бахтияра еще в 383 (993) г. в Фарсе, кончилась для них неудачей.

Последний из этих сыновей, о котором до нас дошли сведения, нашел после жизни, полной приключений, в 383 г., насильственную смерть в Кирмане. Адуд ад-Даула считается на Востоке самым значительным из всех Бундов, и действительно у него ни в каком случае нельзя отнять большую энергию и предприимчивость. Приняв во внимание совершенно зависимое от него положение Муайида, он является единственным, который еще раз соединил под своим скипетром все буидские владения. К тому же он непосредственно подчинил себе еще и Мосул и обуздал курдов, которые долгое время среди Мосула и Хамадана вели себя крайне незави-

³⁸ Краткости ради прибавление «ад-Даула» опускается.

³⁹ Точнее: ызз.

симо. Наконец, даже властитель хамданитский, халебский и северосирийский Сад ад-Даула подчинился ему, что, впрочем, не имело практического значения. Ему нечего было опасаться византийцев, которые во времена Муызз ад-Даулы не раз проникали в Месопотамию, теперь же все их внимание было отвлечено вторжением Фатимидов в Сирию, и так же мало должен был бояться арабских карматов, которым скорее приходилось заискивать дружбы Бундов. С Фатимидами в Египте и Сирии он мог держаться вежливого, хотя и недоверчивого нейтралитета; словом, западные границы его государства были вполне обеспечены, точно так же, как и в персидских провинциях никто не осмелился бы сопротивляться его авторитету. Его царствование представляет вообще собой высшую точку буидского могущества; но нельзя умолчать о том, что и сам он после долгого промежутка времени был первым государем, сделавшим со своей стороны нечто для исцеления ужасных ран, нанесенных Ираку во время междоусобных войн последних столетий. Разрушенные мечети и другие общественные здания в Багдаде были им вновь восстановлены; он построил больницы, вырыл засыпанные каналы и колодцы, раздавал из государственных средств помощь обедневшему люду и старался назначением пенсии поэтам, ученым, врачам и т. д. содействовать народному развитию. Само собой разумеется, что его заботливость простиралась также и на священные местности шиитов в Неджефе и Кербеле, где он вновь возвел разрушенные Мутеваккилем гробницы Алидов. Но недолго пользовались его подданные таким благоприятным для них положением дел. В 372 (983) г. эмир умер в припадке эпилепсии, государство он разделил между тремя своими сыновьями, вследствие чего эти последние, Самсам ад-Даула, Беха ад-Даула и Шереф ад-Даула, повели между собой новую братоубийственную войну, из которой лишь в 380 (990) г., после смерти обоих своих братьев, вышел победителем Беха ад-Даула.

У него было четыре сына, и во время их правления (с 403 = 1012 г.), а еще более во время правления их потомства раздробление государства и враждебные отношения правителей между собой увеличивались все более и более и одновременно с этим и неподчинение им турецких и дейлемитских второстепенных предводителей войск. Поэтому буидская династия Бехи ад-Даулы, владычество которой было, конечно, ненавистно курдским и арабским бедуинам Месопотамии и Южного Ирака, не могла уже удержать за собой эти области. После того как предводители различных племен в этих несчастных округах передрались досыта, с 380 (990) г. Дияр-Бекр остался в руках курдских Мерванидов, Мосул попал под владычество арабских Укейлидов; к этому прибавились позже еще дальнейшие арабские племена: нумейриты около Эдессы, мазьядиты у Евфрата, на запад от Багдада, и дубейситы в Южном Ираке; Халеб в V (XI) столетии тоже принадлежал арабским Мирдасидам.

После фактического конца арабского владычества этот столетний период доказывает полную неспособность персов в тогдашнее время основать объединенное национальное государство. Но именно в этот промежуток наиболее значительные успехи сделало самостоятельное развитие персидского ума. Во время владычества Саманидов расцвела впервые персидская поэзия; в числе поэтов, писавших уже с своеобразной прелестью, остроумно, тонко, прочувствованно, порой, правда, только слишком изысканно и высокопарно, — назовем Рудаги, жившего при Насере II. После Рудаги, отчасти в виде его современника, последовал при Нухе III Дакики. Задачей его было превратить в обширный эпос героическую книгу иранского народа, которая уже во времена Саффара была переведена с древнеперсидского языка. Но едва успел он написать тысячу стихов своего эпоса, как погиб еще молодым от кинжала юного турка, бывшего его рабом и, по отвратительному персидскому пороку, любовником. Начатый им эпос было суждено окончить более великому таланту, чем он. Не менее чем о поэзии, заботились Саманиды и о преуспевании наук. Когда в 387 (997⁴⁰) г. известный Авиценна получил поз-

⁴⁰ Год не совсем достоверен, потому что в сведениях, дошедших до нас в автобиографии Авиценны (*Ибн Аби-Усейби*, II, 2–4), встречаются хронологические затруднения.

воление воспользоваться частной библиотекой эмира Нуха III, она состояла из целого ряда залов, переполненных самыми различными научными книгами, аккуратно внесенными в каталог, среди которых имелось особое отделение для греческой философии и естественной истории. Что библиотека была древнего происхождения, доказывается многими признаками. Уже наместник Рея, известный нам Мансур ибн Исхак, дозволил самому знаменитому врачу средневекового Востока, Разию, посвятить ему написанную Разием на арабском языке медицинскую книгу, а тезка эмира, Мансур I, поручил Муваффаку ибн Али, родом из Герата, составить медицинский учебник, это – самая древняя научная книга, которая имеется у нас на персидском языке. То же самое стремление национализировать данные ученых исследований вызвало перевод или, вернее, обработку замечательной арабской хроники Табари визирем Мансура I, Беами, тоже дошедшую до нас, в то время как передача великого комментария Корана того же автора, переведенная соединенными усилиями нескольких ученых богословов, затерялась. Уже один тот факт, что оба названных гигантских сочинения, заключающих в себе около 60 томов, совершили в 50-летний период далекий путь из Багдада в Бухару, доказывает живой научный интерес, царивший в то время в Трансоксании, и объясняет, каким образом с этого времени столь дальний передовой пост ислама, находящийся на самой границе теперешнего Китая, был одним из самых твердых его опор. Но, как обыкновенно случается, семя, рассыпанное щедрыми руками на плодотворную почву, дало жатву, попавшую в житницы только тогда, когда уже новая тяжкая зима надвинулась для персидского народа, ожившего было на солнце свободы.

Глава 4

Султан Махмуд из Газны

История не может проявить более горькой иронии, чем когда она губит род умных и деятельных людей, служивших идеальным стремлениям, и губит для того, чтобы неожиданно-негаданно их место занял какой-нибудь баловень слепого счастья, выскочка, завоевавший себе силой оружия их владения и в то же время ненасытно прихвативший себе также и их духовные богатства. Таким выскочкой был тот, который выхватил из рук у Саманидов вместе с их государством и лучший перл этого государства, величайшего поэта Востока, Фирдоуси, и в глазах по крайней мере большинства людей считался полноправным собственником всего этого: сын турка Себуктегина, султан Махмуд из Газны.

Этот человек, почти столетия правивший судьбами восточного ислама, несомненно, отличался выдающимся умом. Он был военным героем, как редко кто в мире, и вполне заслуживал счастья, которое никогда почти не покидало его знамени, не только вследствие отважной храбрости и неутомимой деятельности. Но и вследствие столь же последовательной, направленной к одной известной цели, тонкой и лукавой политики, благодаря которой он всегда умел подойти с видом дружелюбной предупредительности к намеченной им жертве своего властолюбия, пока не наступал момент обеспечить себе добычу – путем ли мирных переговоров или же быстрым ударом меча, всегда бывшего у него наготове. Таков был образ действия его по отношению к государствам или государям, исповедующим ислам; с немагометанами же он вообще не церемонился, а именно над ними одержал он наиболее блистательные свои победы.

В первую минуту сказанное нами могло бы показаться странным ввиду состояния того полного разложения, в котором в конце IV в. находился мусульманский Восток, и того раздробления как персидских, так и арабских составных частей государства халифов, продолжавших тогда существовать лишь номинально. Но Махмуд одновременно и заканчивает тот период, который занимает нас в данный момент, потому что наносит смертельный удар национальному государственному строю в персидских землях, и вместе с тем открывает собой другую эпоху: ту, когда в Западной Азии появляются новые народности. Как когда-то история этих мест-

ностей была установлена на целых три века вторжением арабов с юго-запада, так, благодаря Махмуду и через него, готовится теперь обратное переселение народов с северо-востока, переселение, при котором сперва туркам и затем монголам предстояло наводнить все области от Гиндукуша до Средиземного моря.

Этому переселению подчинено также вмешательство в судьбы восточных провинций маленького, но воинственного народа афганцев, вследствие чего впервые были приобретены для ислама более значительные индийские области и здесь подготовилось столь же богатое последствиями, как и самостоятельное развитие.

Далеко не в первый раз турки играют роль в истории мусульманских народов: их губительное, в качестве преторианцев, влияние на упадок халифата нам даже слишком хорошо известно. Мы припомним, что прежние эмиры выступали не раз в качестве самостоятельных князей отделившихся от халифата провинций, особенно, например, в Египте. Но до сих пор речь шла лишь об определенном, хотя и довольно значительном числе лиц, которые в виде рабов или же по найму вступали на службу исламских повелителей. В последующие времена это уже скорее целые племена, даже нации, переброшенные сюда вследствие давления начинающихся народных переселений во внутренней Азии, племена, требующие себе земель, отказать им в которых слабеющее могущество персов и арабов уже не в силах. Султан Махмуд стоит в средоточии этих двух периодов: он сам был одним из тех турецких эмиров, которых в то время было множество почти во всех владениях ислама, — эмиров, находившихся здесь на службе по найму или же возвысившихся до положения военачальников отдельных частей войска. И сам же он под конец своего царствования был вынужден противопоставить, правда недолго продержавшийся, оплот против первых волн начавшегося переселения народов, хотя, с другой стороны, принимая в свои войска турецкие и афганские племена, он же и указал путь завоевательным наклонностям этих народов, как на западе, так и на востоке. Вот почему, собственно, сомнительно, куда, к какому периоду следует причислить его лично и недолго продержавшуюся его династию.

Мы оставили отца Махмуда, Себуктегина, повелителем Газны и ее окрестностей. Все это он фактически крепко держал в руках, с 366 по 377 г., находясь в главе турецкой конницы, которая, впрочем, за этот промежуток времени очень усилилась представителями воинственных племен тура и пушту, а также соседнего Седжестана. По имени колыбели их могущества — города Газны — новую династию принято называть Газневидами. Себуктегин простер отсюда власть свою и на Воет, на юго-западе, и делал победоносные набеги в Ламгане⁴¹, не переставая при этом прикрываться именем Саманидов, имена которых он продолжал чеканить на денежных знаках и поминать в мечетях. Но кроме этой чисто обрядовой стороны он нимало не заботился о сюзерене в Бухаре. Подобно своим предшественникам, и Нух был человек образованный, доступный для всех духовных интересов, непохожий, однако, на предков тем, что часто пренебрегал государственными делами, и особенно тем, что потерял действительную власть над подчиненными ему эмирами.

Под конец его царствование представляет явные признаки глубоко проникшего разложения. Наместники, правившие его именем в Хорасане и в соседних областях, стремились при всяком удобном случае сделаться самостоятельными; если же им это не удавалось, то причиной тому было только то обстоятельство, что и они зависели от своих вице-эмиров, правивших отдельными округами или городами и, смотря по капризу, державших сторону либо двора в Бухаре, либо какого-нибудь мятежника. Все эти лица интриговали друг против друга и поддерживали отношения с двором в Бухаре, так же как и с Бундами в Рее. Всякий мало-мальски значительный эмир был окружен толпой личных приверженцев, с которыми он, при благоприятных обстоятельствах, нападал на конкурента и завоевывал земли, — при неудаче же

⁴¹ Ламган — равнина, на которой находится нынешний Желалабад.

бежал к Бундам или же к властителям Ирака, Седжестана или Хорезма, пока, в конце концов, все до того уже перепуталось и переплелось, что здесь и разобраться не было возможности. Везде было трудно ладить с войсками, особенно же когда денег оказывалось мало. Среди солдат было много турок и дейлемитов; также и хорасанцы были непостоянны и капризны. Рядом с регулярными войсками и в то время, как и теперь еще в Персии, особенно в Туркмении и Трансоксании, встречалось множество кочевников; некоторые из них арабского, большинство же турецкого происхождения. Из числа их наиболее опасным считалось турецкое племя тузов, которое населяло степи вокруг Бухары и Самарканда и которое, вследствие упадка правительственной энергии, стало уже проявлять угрожающие признаки беспокойства. Вместе с тем по ту сторону северной границы уже довольно давно образовалось могучее турецкое государство, простиравшееся с той стороны Кашгара до Аральского озера. Ханы⁴² этого государства, хотя отношения их к Саманидам были пока вполне миролюбивы, все-таки начали бросать алчные взгляды через Яксарт. Двое из этих неподчиненных эмиров и дали толчок всем последующим событиям.

Абу Али из рода Симджур, издревле игравшего в истории правления Саманидов значительную роль, жил в 383 (993) г. в Нишапуре в качестве наместника Хорасана как раз в то время, когда в Герате, который считался зависевшим от него, самостоятельно правил Фаик. Оба эти вассала казались слишком могущественными Нуху; ему удалось посеять между ними раздор, но в конце концов он достиг этим лишь того, что каждый из них стал опасаться за себя, и один вслед за другим оба начали вести переговоры с князем Туркестана, Богра-ханом. Богра-хан с удовольствием воспользовался представившимся случаем осуществить давно задуманный им план нападения на Бухару. Он разбил высланное против него Нухом войско; напрасно обманутый государь обращался то к одному, то к другому из двух изменивших ему вассалов – оба предали его турку. Нуху пришлось покинуть свою столицу, и Богра-хан мог уже считать себя властителем Трансоксании, как вдруг он заболел и был вынужден пуститься в обратный путь. Здесь на него напали тузы; когда же он, вырвавшись с трудом из их рук, вскоре затем умер, Нух вернулся в Бухару и был здесь восторженно встречен народом. Теперь Абу Али считал более удобным для себя разыграть на короткий миг роль раскаявшегося вассала, после того как нападение Фаика на столицу не удалось последнему. Но когда вслед за тем оба они соединили свои военные силы, Нух потерял голову, и ему пришла мысль вытребовать себе на помощь турецкого вождя из Газны, который считал его своим сюзереном. Себуктегин не заставил повторить себе этого зова; лишь только он сумел покончить собственные свои предприятия, как поспешил перейти Оксус с войском в 20 тысяч человек. Уже на Трансокеанской земле, в Кеше, он встретился с эмиром (384 = 994 г.). Себуктегин прислал ему сказать, что он стар и потому ему было бы приятнее, если б его избавили от придворного этикета, требовавшего от него, чтобы при встрече с государем он слез с коня и, уже пеший, выразил ему обычные знаки почета. Нух не осмелился отказать своему вассалу в этом желании, весьма характеризующем их обоюдные отношения, и хотя турок, «побежденный видом королевского величия», как выразился летописец, добровольно отдал все знаки почтения, которые от него уже более не требовались, но все ж по отношению к эмиру он занял тотчас же положение настоящего мажордома, или, чтобы выразиться ближе к восточному, эмира аль-умара. Правда, поддерживаемый своим юным сыном, храбрым Махмудом, он разбил мятежников близ Герата, отнял у них Нишапур и, когда они воспользовались кратковременной разлукой отца с сыном, чтобы победоносно напасть на Махмуда, снова решительно разбил их вблизи Туса. Когда же Фаик, после того как товарищ его был вскоре заманен в Бухару и там посажен в тюрьму, бежал к Илек-хану, преемнику Богры, тот сделал вид, что намеревается вторгнуться в Трансоксанию. Себуктегин, считавший, что за этот промежуток времени он имеет причины быть недоволь-

⁴² Хан – старинный титул главы турецкого племени.

ным Нухом, удовлетворился таким миром, по которому именно Фаику, первому зачинщику всей путаницы и всех распрей, было передано наместничество Самарканда. Уже здесь сквозит намерение вассала войти помимо Саманидов в сношения с сильным турецким ханом. Но осуществление этих намерений пришлось на время отложить: в 387 (997) г. перемерли один за другим Себуктегин, Нух и Буид Фахр ад-Даула из Рея, который сперва вмешивался достаточно часто в распри саманидских наместников, но тотчас же сократился перед явной силой воинственного повелителя Газны. Место зрелых мужей заняли теперь молодые люди: бурный по природе Махмуд и легкомысленный Саманид Мансур II.

Но пока у Махмуда было достаточно дела вдаль от Оксуса. Неизвестно, почему Себуктегин назначил своим наследником не могущественного, геройского Махмуда, но более незначительного сына Измаила. Махмуд не оспаривал у брата престола, а желал лишь одного – во всяком случае, оставаться во главе войска; когда же Измаил отказал ему в этом, Махмуд поспешил в Газну, осадил город и принудил Измаила сдаться. Последний слишком преждевременно раздарил сокровища отца приближенным и теперь получил от них весьма незначительную помощь. Принимая во внимание нравы того времени, нужно сознаться, что Махмуду делает честь его отношение к побежденному брату, которому он оставил княжеские почести, и, даже когда было доказано, что Измаил подослал убийц к Махмуду, он не только оставил ему жизнь, но и не сделал ни малейшего зла. Однако теперь он твердо взял правление в собственные руки, и в скором времени весь мусульманский мир наполнился славой султана Газны Махмуда.

В числе выдающихся качеств этого государя наиболее поразительным кажется мне его неутомимость. Едва вернувшись из похода в далекие индийские страны, он тотчас же спешит на север или восток для подавления какого-нибудь восстания, или для сражения с вторгнувшимися турецкими отрядами, или для расширения своего государства на счет Бундов. И едва цель его достигнута здесь, он уже снова в Индии, обширные области которой он так основательно покорил исламу, что мусульманство никогда уже не было вытеснено с северо-запада страны. В то время как прежде князья Пенджаба, находя себе поддержку в распрях и несогласиях горных племен, рассеянных в гористых местностях Кабула, Гора и вблизи них, могли подчас распространять свою власть даже на эти области, теперь все владения индусов становятся добычей именно этих подчиненных могучим воином и отчасти включенных им в состав своего войска горных племен, дикой силе которых не могли уж сопротивляться индусы, ослабленные влиянием старой цивилизации.

При разносторонности предприятий Махмуда, он нуждался в поддержке даровитых военачальников. Но ввиду прирожденного военного таланта его турецких соотечественников в этом у него никогда не могло быть недостатка, и на таких полководцев, как брат его Насер, предводители Алтунташ и прежде всего Арслан Джазиб, он мог положиться почти так же, как на самого себя. Но львиная доля как в трудах, так и в удачах походов его всегда принадлежала ему самому, особенно же в Индии, приобретение которой для ислама он принимал близко к сердцу. После истечения целых веков теперь опять впервые в Махмуде и в турках вообще, вместе с завоевательными стремлениями и желанием добычи, соединяется снова ужасный, непреодолимый религиозный фанатизм. Та же самая притягательная сила, которую имело в свое время религиозное знамя для завоевательных целей арабов, должна была оказаться еще более действенной для турок. Последние имели, однако, одно преимущество перед арабами: они приняли ислам потому, что он был им по душе – ясен и понятен, – а не потому, что они были вынуждены к тому или же надеялись получить через него выгоду. Они с самого уже начала все поголовно стали и всегда оставались суннитами.

Когда султан, 27 лет от роду, вступил на престол (387 = 997 г.), прежде всего требовало быстрого вмешательства положение дел в государстве Саманидов. Мансур II, молодой и неопытный человек, не имел представления о незначительном размере своих сил. Вместо того чтобы, как этого настоятельно требовало положение дел, сделать выбор между турецким ханом

и властителем Газны или же, по крайней мере, хоть настолько выиграть время, пока бы он мог заручиться новыми и верными опорами, он тотчас же дерзнул – быть может, легкомысленно увлекаясь возникшей между Измаилом и Махмудом распрей – назначить на место последнего наместником Хорасана и главным военачальником всех войск, то есть первым вассалом государства, другого турка по имени Бегтузуна, и это в ту минуту, когда, по почину Илек-хана, наместник Самарканда Фанк уже был на пути в Бухару, под предлогом присягнуть в верности новому эмиру, в действительности же чтоб овладеть его особой. Вскоре Махмуд, возмущенный прямым отказом Мансура отменить сделанное им назначение, двинулся с войском в Хорасан. Бегтузун спешно бросил Нишапур, чтобы соединиться с эмиром и Фанком, которые вышли из Бухары с незначительными отрядами войска. Встреча произошла в Серахсе; здесь оба наместника, убедившись, что в их сюзерене еще слишком много для их целей королевского духа и силы воли, схватили его, велели выколоть ему глаза и провозгласили эмиром его брата, Абд аль-Мелика II, полудитя, оказавшееся в их руках беспомощной куклой (389 = 999 г.). Все это время Махмуд занимал выжидательное положение; ему совсем не казалось интересным разыгрывать роль мятежника против своего сюзерена, если другие брались устраивать его дела. Поэтому он стал вести мирные переговоры с Фанком и Бегтузуном до тех пор, пока их войска не бросились предательски на его арьергард. Тут и он взялся серьезно за дело. Он разбил изменников наголову при Мерве, так что они искали спасения в бегстве. Фанк с Абд аль-Меликом бросились в Бухару, Бегтузун – в Нишапур. Но повелитель Газны не намеревался вовсе заняться уничтожением турецкого осиног гнезда по ту сторону Оксуса; взор его был направлен на Индию. Пока он подготавливал в Балхе новый поход на юго-восток, он предоставил полководцу своему Арслану навести порядок в Хорасане. Это было сделано еще в том же году; после нескольких сражений Бегтузун должен был бежать в Бухару, а остальные эмиры на левом берегу реки тоже были вынуждены отказаться от сопротивления.

Между тем Илек-хан со своей стороны приготовился пожать плоды победы Махмуда. Он двинулся с разными миролюбивыми уверениями на Бухару, где за этот промежуток времени умер Фаик. Бегтузун дал себя провести Илек-хану, как часто случается с предателями. Во время дружеской встречи он и много его высших военных чинов были изменнически схвачены, и вскоре такая же судьба постигла Абд аль-Мелика, который спешно бежал, как только узнал о судьбе Бегтузуна. Илек-хан послал его вместе с остальными Саманидами в Туркестан, где последние члены этого княжеского дома так и пропали без вести все, за исключением, впрочем, одного: было бы уж слишком обидно, если бы царский род, имевший такое громкое прошлое, погиб бы так позорно. Измаил, по прозвищу аль-Мунтасир, третий брат Мансура и Абд аль-Мелика, сумел вырваться из турецкого плена; и в то время как Илек-хан к концу⁴³ 389 (999) г. въехал победителем в Бухару, недолго спустя и ему, и Махмуду в лице последнего Саманида вырос неутомимый противник, который почти шесть лет держал в возбуждении всю Трансоксанию и весь Хорасан. Во главе преданных его дому лиц – турок, тузов, и тут и там собранного войска, он не раз наносил чувствительный урон самому хану, так же как и брату его Насеру, который теперь находился в Нишапуре в качестве наместника. Это настоящая одиссея столь же отважного, как и храброго, не терявшего мужества ни в каких неудачах, князя, – одиссея, бросавшая его из Хорезма в Бухару, Абиверд, Нишапур, Джурджан, Рей, снова в Нишапур и Джурджан, оттуда в Серахс, затем, когда он был здесь разбит Насером и войско его рассеяно, к тузам Трансоксании, в Самарканд, через Оксус назад в Мерв и Несу, в Исфараин, снова к тузам, после того опять через Оксус в Балх, в Кухистан и, наконец, в окрестности Бухары, древней столицы его династии. Но прежде чем он до нее добрался, его застигла смерть: покинутый всеми своими приверженцами, потерявшими под конец всякое мужество, он попал в гнездо арабских бедуинов, которые накинулись на него в ночной тьме и убили его раби I 395 г.

⁴³ В зуль-каде или зуль-хидже (1 октября – декабрь 999 г.). Более точное число указывается разное.

(декабрь 1004 – январь 1005 г.). Только теперь Махмуд и Илек-хан могли быть окончательно спокойными по отношению к Саманидам. Кабус, князь Джурджана, который, помня прежний свой дружеский союз с повелителями Бухары, много раз поддерживал Мунтасира деньгами и людьми, тем паче не дерзнул теперь сопротивляться могучему Газнеvidу. Он охотно принял торговый договор, по которому признавал себя вассалом Махмуда, утвердившего его за то во всех остальных его владениях, сверх Джурджана и Табаристана и некоторых соседних с ним округов. Когда же в 403 (1012/13) г. недовольные подданные убили его, Махмуд обеспечил наследство его престола сыну его, Минучехру (403–424 = 1012–1033 гг.). Позже маленькая эта династия в войнах Газнеvidов, а затем сельджуков отступает на задний план. Примера Кабуса держался по отношению к могучему султану из Газны некоторое время и властитель Хорезма. В последние годы упадка власти Саманидов Хорезм приобрел полную самостоятельность под властью местных князей. Стиснутая между большими государствами ханов и Махмуда, область эта наконец нашла опору у последнего. Впоследствии явились разные дипломатические распри, одновременно и внутренние дела пошатнулись, и, когда хорезмский шах Мамун был убит мятежниками в 407 (1017) г., Газнеvid двинулся туда со своим войском, завоевал всю страну и назначил Алтунташа наместником ее (407 = 1017). Со своей стороны и Илек-хан не желал удовольствоваться владением Трансоксании; несколько раз Махмуд должен был самолично или же, по его распоряжению, полководец его Арслан сражаться с все приливавшими через Оксус толпами турок, и только когда в 401 (1010/11) г. между Илеком и его братом Тоганом начались распри и оба они обратились к посредничеству Махмуда, последовал сносный, редко и лишь мимоходом (например, 408 = 1017 г.) прерываемый, довольно продолжительный мир. Но начиная с 420 (1029) г. снова нечем было занять орды тузов по ту сторону Оксуса и Махмуд, так же как после него сын его Масуд, должен был, после упорных битв, оставить их у себя внутри государства, что и было началом турецких переселений, которыми мы займемся в ближайшей книге этого сборника.

Хотя Махмуд, занятый продолжением своих индийских завоеваний, не имел собственно желания расширить власть свою дальше на запад, но принципиально он бы не отказался от этого, если бы оно могло быть достигнуто без большого труда или показалось бы необходимым для обеспечения остальных его владений. Буидская династия Фахра ад-Даулы после смерти своего основателя, вследствие войн и земельного дележа, ослабевала все более и более. В нее управляла страной после смерти Фахра (387 = 997 г.) вместо совсем непригодного для этого дела сына его Меджа ад-Даулы («слава государства») мать последнего, известная под именем ас-Сейида («госпожа»), умная и энергичная женщина, которая сумела внушить почтение даже не очень-то чувствительному Махмуду поразительно дельным ответом на несколько неприличное с его стороны посольство к ней. Она умерла в 419 (1028) г. Медж не пользовался уважением войска, и разгорелось восстание, для усмирения которого трусливый повелитель был настолько наивен, что призвал Махмуда. Последний сделал вид, будто готов оказать просимое у него одолжение; но когда в 420 (1029) г. он явился в Рей, то призвал к себе слабоумного Бунда и грозно спросил его: «Читал ты «Шахнаме» и хронику Табария?»⁴⁴ – «Да». – «Не очень-то похоже! Ты играл когда нибудь в шахматы?» – «Играл». – «Случалось тебе встречать на шахматном поле на одной стороне одновременно двух королей?» – «Нет». – «Как же могла прийти тебе нелепая мысль в голову отдать себя в руки того, кто сильнее тебя?» Сказал и велел отправить «славу государства» в Хорасан, а крохотные его владения, главными из которых были Рей и Казвин, присвоил себе. Также Хамадан и Исфахан, до тех пор собственность Бунда Ала ад-Даулы ибн Какуи, были тоже теперь заняты Махмудом; но больше труда пришлось ему потратить на взятие Седжестана, который вследствие мятежного и упрямого населения его не мог быть терпим в виде самостоятельного государства у границы владений султана. Самосто-

⁴⁴ То есть персидскую и арабскую историю.

ятельным стал Седжестан со времени начала упадка власти Саманидов, при их наместнике Халафе ибн Ахмеде⁴⁵, и сумел, благодаря разным столкновениям, вызвать к себе уважение у соседних Бундов Кирмана, по отношению же к Газневидам держался до тех пор независимо. Потребовалось несколько походов в 390–392 (1000–1002) гг., пока, наконец, справились сначала с Халафом, затем с его недовольными новой властью подданными.

Более богатыми последствиями оказались предпринятые затем походы для подчинения племен гора и пушту. Долины Газны, Кабула и Ламгана, также как и проход через Сулейманову горную цепь на юго-восток, служившие с самого возникновения исторических времен воротами в Индию, осаждались этими дикими и воинственными горными народцами, и последние становились уже чересчур неприятны своими хищническими набегами и нападениями на военные отряды, проходившие здесь. Таким образом, в 401 (1010–1011) г. оказалось необходимым покорить область Гура. Недоступная эта страна, вся усеянная скалами и пропастями, при умелой защите и сопротивлении была почти непреодолима и остановила победоносное движение войска, предводительствуемого Алтунташем и Арсланом; самому Махмуду пришлось поспешить к ним на помощь с подкреплениями. Но и ему удалось одержать решительную победу только благодаря одной любимой его военной хитрости – мнимого обращения в бегство, которым он увлек алчных до добычи врагов к беспорядочному преследованию и тогда обрушился на них. Столица Гура была взята штурмом. Царь этой области, Ибн Сури⁴⁶, «потерял земное и вечное блаженство», кончив жизнь самоубийством – он принял яд, – а население было вынуждено платить дань султану и принять ислам. Махмуд повел такую же борьбу против властителя Кусдара, сохранившего до тех пор независимое положение в теперешнем Белуджистане. А когда в 409 (1019) г. на возвратном пути Махмуда из Индии афганцы снова напали на войско султана, они были чувствительно наказаны им. Все названные народы доставляли с той поры в усиленных размерах – случалось это временами ведь и раньше – отборных солдат для дальнейших походов Газневида и таким образом подготовились к самостоятельному вмешательству в судьбы Востока.

Пришлые в Индии магометане были по отношению к индусам слишком незначительны числом и постепенно должны были быть поглощены ими, особенно с тех пор, как области эти, со времени возрастающего упадка могущества халифов, окончательно стряхнули с себя влияние багдадского правительства. В тех немногих городах, где магометане составляли правящую касту, они либо переходили к индийскому язычеству, как, например, в Мансуре, старинной тверди магометанства в Индии, или же они приспосабливались в высшей степени к среде, окружающей их, как, например, в Мультаме, царь которого, современник Махмуда, хотя и носил арабское имя Абул-Футух, но считался страшнейшим еретиком⁴⁷. Таким образом, на отдельные области, на которые распалась тогда Северо-Западная Индия от Гуджарата до Кашмира, следует смотреть как на области вполне отчужденные от ислама. Пятнадцать, а по более поздним историкам, даже семнадцать походов потребовалось вести Махмуду, чтобы вернуть эти области к истинной вере и завоевать их исламу, а кстати и своему государству.

⁴⁵ Он выдавал себя за потомка Саффаридов. Трудно решить теперь, было ли основательно его утверждение, которое должно было обеспечить ему более значительное влияние в Седжестане.

⁴⁶ «Сын Сури» означает здесь потомка королевского рода Сури.

⁴⁷ Современный высокоавторитетный писатель, лично бывший в Индии, аль-Бируни, сообщает, что Абул-Футух и его люди были карматами. Карматские и измаилитские посланцы далеко проникли на Восток в IV и V столетии; и если припомнить, что измаилитское учение о равной цене и значении всех религий весьма удобно для людей, которые должны жить среди языческого населения, то сведения Бируни едва ли могли бы подлежать другому истолкованию, кроме того, которое дано нами в тексте. Но дальнейшие сообщения того же писателя сбивают меня с толку тем, что, судя по ним, карматы, овладев Мультамом, «разбили языческие истуканы». Мы нигде не слышим, чтобы набеги карматов Бахрейна на материке распространились бы на восток за Хузистан, а морская экспедиция, например из Омана в Индию, которая должна была бы подняться вверх по всему Инду вплоть до Мультама, еще более невероятна. Впрочем, и позднее в Индии бывало довольно значительное число измаилитов; даже и в настоящее время секта эта, хотя теперь в форме совершенно безвредной, встречается в различных местностях, особенно вблизи Бомбея.

Как ни были обширны завоевания Махмуда, но далеко и половины той части Индии, которую попирали копыта его коней, не было суждено быть прочно включенной в государство Газневидов. Ввиду раздробления тогдашней Индии на большое число маленьких государств, союз которых в дни общей опасности бывал обыкновенно и запоздалым и бессильным, какой-нибудь отважный предводитель войска, если бы судьба дала ему на то время, мог безнаказанно во главе своих отрядов посетить одну вслед за другой все эти индусские провинции. Но фактически и прочно приобрести больше, чем близлежащие пограничные местечки, и вместе с тем пропитать их религией и обычаями ислама, не удалось бы даже и подобному энергичному и воинственному предводителю. Вот почему при преемниках Махмуда власть султанов простирается на восток и юг не очень далеко за Пенджаб⁴⁸; правда, с той поры эта обширная и богатая страна оставалась всегда верной магометанству и служила исламу точкой опоры, из которой, медленно двигаясь вперед, он постепенно мог подчинить себе, хотя бы на короткое время, большую часть Передней Азии. Поэтому неудивительно, что султан Махмуд восхваляется всеми мусульманскими историками как герой ислама и считается ими образцом во всех отношениях мудрого и справедливого государя. Мнение народа об этом вопросе сказалось в известной легенде более поздних времен⁴⁹, в которой передается, будто бы визирь султана пожелал как-нибудь укротить не имеющую границ воинственность своего государя. Для того чтобы преподнести великим господам неприятную им истину, на Востоке обращаются обыкновенно к притчам, сказкам. Вот однажды вечером визирь в присутствии всего двора рассказал о том, как он, отдыхая в дневную жару в тени заброшенного дома, в котором свили себе гнезда филины, подслушал их разговор, – а по милости Аллаха он понимает птичий язык. Тут рассказчик, внезапно смущенный, останавливается. Махмуд, у которого уже задето любопытство, настаивает на продолжении рассказа, наконец, приказывает окончить его, согласно с истиной, и сообщить то, что говорили филины. «Это были два старика, – приступает наконец визирь к прерванному рассказу. – У одного из них был сын, у другого – дочь, и именно об их браке шла речь. Отец невесты требовал, чтобы дочь получила в свадебный подарок пять опустошенных деревень. «Пять? – посмеялся в ответ второй филин. – Я могу подарить ей не пять, а целых пятьсот деревень. До тех пор, пока Аллах сохранит жизнь султану, никогда не будет недостатка в опустошенных деревнях». Насколько горькое слово это должно заключать в себе правды, видно из сообщений тех же самых историков, которые так восхищаются Махмудом: ценность сокровищ, похищенных из храма в Сомнате, показывается ими в два миллиона золотых динариев, а при взятии одного этого города были будто бы умерщвлены 50 тысяч индусов; весьма возможно, даже вероятно, что цифры эти сильно преувеличены, но даже четвертая доля была бы просто ужасна. Не подлежит, однако, ни малейшему сомнению, что тысячи и тысячи жизней мирных обывателей пали жертвой тупого фанатизма Махмуда и дикой жестокости его турецких и афганских отрядов. Даже там, где меч султана положил предел кровавым неурядицам, продолжавшимся десятки лет в Хорасане, в Персии короткий промежуток спокойствия и порядка был куплен достаточно высокой ценой. Шло ли дело об индийских язычниках или о шиитах и вольнодумцах, ревностный суннит, султан одинаково не знал ни для кого пощады. Неустанное преследование апостолов измаилитской пропаганды, которая появилась везде в Персии во второй половине III столетия, может быть рассмотрено как защитительная мера против этой пропаганды. Султан назначил своего верховного инквизитора, конечно прославившегося в качестве светила веры, богослова, для выслеживания этих еретиков. Мы ведь только что видели, что уже в царствование Махмуда имелись в Индии «карматы», точно так же достоверно и то, что незадолго до конца правления Саманидов не менее далекая Транс-

⁴⁸ Отмечают как нечто совсем необычайное то, что во время правления султана Али ад-Даулы (493–508 = 1094–1115) мусульманское войско снова проникло до Ганга.

⁴⁹ См.: Гюкерт, «Восточные легенды и сказания», Штутгарт, 1837.

сания была уже пропитана измаилитскими элементами⁵⁰. Честолюбию фатимидских халифов в Египте, которые именно теперь и достигли вершины своей власти, только что совершенное Бундами раздробление Персии придало до того крылья, что самые дерзкие надежды стали им казаться исполнимыми: в 403 (1012/13) г. был схвачен в Герате человек из Тагерта (самой глубины Западной Африки), который выдавал себя за посла Фатимида Хакима к Махмуду, но вернее всего был просто шпионом; его казнили, как еретика. Великим несчастьем для только что приобретенной свободы духовной жизни в Персии было гонение, воздвигнутое как на умеренный шиизм, допускавший Саманидами, поощрявшийся Бундами, так и на еще более невинные воззрения мутазилитов. Когда Махмуд в 420 (1029) г. осадил Рей, он велел распять множество шиитских товарищей⁵¹ Меджа ад-Даулы и изгнал мутазилитов в Хорасан, сочинения по философии, по мутазилитскому богословию и астрологии велел сжечь, а другого рода книги увез на ста верблюдах с собой. Вечным обвинением, которое царедворцы Махмуда возводили друг на друга перед ним, было обвинение в шиизме. Благодаря тому же приему и знаменитому поэту Фирдоуси пришлось претерпеть массу неприятностей, несмотря на то что славлюбивый султан весьма дорожил пребыванием у него такого выдающегося человека. Также и то обстоятельство, что Махмуд в более поздние года своего царствования снова ввел вместо персидского языка арабский в административные сферы, не могло не отразиться дурно на вновь начавшемся было развитии в Персии. Конечно, даровитый персидский народ в только что истекшие полтора века, со времени вступления в правление Тахиридов, слишком узнал себе цену, чтобы теперь было бы возможно, как прежде, язык его, снова поднявшийся на степень литературного, вовсе отстранить от употребления в поэзии и науке. Но все же столь радостно зазеленевший росток до того загдох теперь, что впоследствии, когда при Сефевидях наступила окончательная победа шиизма, довольно много ветвей науки оказались загдохшими и после того уж никогда больше не оживали в Персии. Причиной тому были, конечно, ужасные времена сельджуков и монголов.

Но поворот ко всему этому случился именно при Махмуде; характеристично то, что его секретарь аль-Утби, которому мы обязаны историческим сочинением о последних годах правления Саманидов и о начале правления Газневидов, считал более соответственным писать сочинение это хотя и поистине персидским блестящим слогом, но на арабском языке, при этом, однако, во всем остальном тон его для придворного историографа вполне независим; так, например, он говорит с уважением и участием о Мунтасире, который, как известно, надеялся массу хлопот Махмуду. При Саманидах переводили арабского Табари на персидский язык, теперь персидские историки снова пишут по-арабски. Какими путями добивался Махмуд – а он был достаточно умен для этого – присоединения к прочим своим правам на удивление потомства еще и имени покровителя искусства и науки, ясно видно из его поступков при осаде Рея. Все, что в этой области можно было считать за ересь, было уничтожено, остальное же по возможности увезено в Газну для украшения блестящего султанского двора. Не отнимая у Махмуда ни заслуги его – он этим способом открыл дорогу многим выдающимся людям, – ни присущей ему способности верно оценивать достоинства поэтических произведений и судить о них со вкусом, мы в то же время должны сильно подчеркнуть, что побудительной причиной во всем этом вовсе не было сознательное желание поощрить умственную, духовную жизнь страны; нет, великому завоевателю просто хотелось собрать вокруг себя как можно больше знаменитостей, которые должны были изображать собой хор звезд, окружающий солнце султанской славы.

⁵⁰ Отец и брат Авиценны были измаилиты и приверженцы Фатимидского халифата: Ибн Аби-Усейбия. Ср. также: *Nassiri Khosrau, Sefer nameh* p. Schefer. Paris 1881. Introduct, p. II, XLII.

⁵¹ У Ибн аль-Асира, IX, 262, сказано «батинитские», что равнозначно с «измаилитскими». Но «товарищами» при дворе даже Бундов никоим образом не могли быть настоящие измаилиты. Нужно предположить, что слово это стоит в указанном месте в первоначальном смысле, означая аллегорический метод толкования Корана.

Махмуд в завоеванных, разграбленных им местностях забирал ученых и поэтов и посылал в свою столицу, где талант их развивался на удивление миру. Конечно, мы этим вовсе не хотим сказать, чтобы яркий блеск его двора и хорошо рассчитанная им щедрость не привлекли бы без всякого принуждения многих выдающихся людей, но, раз мы имеем достоверные сведения о том, что при завоевании Хорезма Махмуд велел перевезти оттуда в Газну нескольких знаменитых ученых, можно, конечно, подобное же обращение предположить в других случаях, о которых мы не имеем более точных сведений. А что покровительство Махмуда искусству и науке, при всем шумном хвастовстве его, не было лишено мелких, низких черт, видно из его поведения относительно Фирдоуси, величайшего поэта Персии и одного из величайших поэтов мира⁵². Абул Касим Мансур, по прозванию аль-Фирдоуси⁵³, родился в 328 (940) г. в Шебезе, маленьком местечке близ Туса, в Хорасане. Он был чисто персидского происхождения; отец его, имя которого не вполне точно известно⁵⁴, был одним из тех дехкан, то есть маленьких землевладельцев, с которыми мы уже познакомились, как с истинными носителями старинных национальных преданий. Понятно, что в такой среде мысли и склонности даровитого юноши влекли его именно к тем преданиям старины, которые наряду с запретной религией Зороастра составляли настоящее зерно духовного наследия персов: тем более что стремление вновь приобрести это наследие, чтобы пользоваться им, уже в течение целого столетия побуждало к ревностному выслеживанию старых преданий о царях и героях, с целью полного восстановления «Царской книги» («Шахнаме») в виде сборника иранской истории от древнейших времен до вторжения арабов.

И остальные поэты, более или менее добровольные товарищи Фирдоуси при дворе Махмуда, в свою очередь, оставили немало изящных стихотворений. Также и наука стояла в ту эпоху на высоком уровне. Один из известнейших выдающихся ученых – аль-Бируни, который при завоевании Хорезма был взят Махмудом в Газну, особенно прославился сочинением на арабском языке о хронологии древних народов, основанной на удачных астрономических и исторических исследованиях, – сочинение, имеющее и в настоящее время еще цену. Бируни был в душе настоящий перс, и, по-видимому, ему доставило мало удовольствия то обстоятельство, что он был вынужден променять свое пребывание на родине на пребывание при далеком султанском дворе, но он воспользовался представившимся ему случаем, чтобы первый из мусульман лично познакомиться с Индией и ее историей. Все это он изложил в своей «Истории Индии», ценность которой еще более увеличивается полным отсутствием исторической литературы у самих индусов.

Из того же Хорезма был вывезен Махмудом аль-Хасан ибн Зувар, знаменитый врач, искусством которого Махмуд пользовался и лично для себя. Хасан был очень большой оригинал, который, отправляясь лечить бедняков, одевался донельзя просто; ко двору же он являлся не иначе как в пышном и великолепном облачении. Следует упомянуть еще об одной выдающейся личности, которая одновременно с двумя только что названными учеными жила и действовала в Хорасане, об Абу Али аль-Хусейне, известном под именем Ибн Сина, превратившимся на Западе в Авиценну.

⁵² См.: Шака, «Легенды Фирдоуси», Берлин, 1869. Пусть позволят нам также напомнить стихотворение Гейне «Фирдоуси», производящее при всей своей странности такое сильное впечатление.

⁵³ Прозвание это объясняется на разные лады: одни передают, будто бы султан Махмуд сказал ему однажды: «Ты обратил двор мой в рай «Фирдоус». По другим же передачам поэта прозвали так потому, что, сочиняя стихи, он имел обыкновение прогуливаться в парке (по-гречески *Τπαρδισιαος*, «Фирдоус» по-персидски) благоволящего к нему наместника Туса. Оба объяснения производят несколько искусственное впечатление. Фирдауси (буква у произносится очень коротко, образуя один слог с буквами да) точное и более старинное произношение имени, но между тем у нас вошло в общее употребление произносить «Фирдоуси».

⁵⁴ Его называют Исхак или Ахмед.

Книга вторая Кочевание турок

Глава 1 Сельджуки

Все великие народные переселения идут по двум главным направлениям. Нация, поднявшаяся постепенно до значительной высоты культуры, может в момент наивысшего развития своих умственных и политических сил натолкнуться на нецивилизованную расу. В таком случае эта нация обыкновенно или ассимилирует ее, или даже вовсе уничтожает.

На несчастье восточного мира, натворивших немало зла, но зато все же политически даровитых и стремившихся к знанию арабов сменили сначала турки, сорвавшие цвет, а потом монголы, снявшие и листву с дерева восточной цивилизации.

Сделали они все это до того основательно, что впоследствии едва кое-где могли пробиться новые ростки, и то большей частью очень скудные. Как известно, всякое развитие встречает обыкновенно на своем пути разные препятствия; так случилось и тут. Благожелательные попытки некоторых турецких султанов воспрепятствовать упадку развития в старых халифских владениях, так же как и основание сильного, а в умственном отношении не бездарного монгольского государства в Индии, напоминают собой одинокие оазисы среди печальной песчаной пустыни, которым тоже грозит опасность быть вскоре засыпанными песком.

Точное этнографическое определение турецких народов довольно затруднительно. Докладательства, основанные на языке, устанавливают, что многие из бесчисленных кочевых племен, населяющих юг Сибири и России, находятся в более или менее близком родстве с турками, в тесном смысле слова, с теми турками, которых мы в настоящее время встречаем в европейской Турции и Малой Азии, встречаем также на юге Кавказа, среди персидских кочевников.

Изо всей толпы народов, которые, под конец правления Махмуда Газневида, готовились приняться за кочевку и войну, мы знакомы пока еще только единственно с одними западными турками Трансоксании. К ним принадлежат те тузы, которых в последнее время царствования Саманидов мы застали около Бухары и Самарканда, и, с другой стороны, вероятно, также и большая часть племен, подчиненных Илек-хану и его брату Тогану, имевших еще свой политический центр тяжести в Кашгаре, — но, после смерти обоих вышеназванных ханов⁵⁵, раздробленных многочисленными внутренними раздорами. И тузы распадалась также на несколько ветвей, из которых наиболее значительной являются в 420 (1029) г. сельджуки. Они получили свое имя от предводителя орды Сельджука, поселившегося будто бы в 345 (955) г. в Джевде, местности на Яксарте к востоку от Хорезма. У него было, по преданию, пять или шесть сыновей, под предводительством которых сельджуки, так же как и другие тузы, проникли в государство Саманидов и впоследствии участвовали многократно в войнах, веденных Илек-ханом, его преемниками и Махмудом, при чем известная часть сельджуков была увлечена в Хорасан⁵⁶ в 420 (1029) г. и стала там опустошать страну. Теснимые Махмудом и его храбрым генералом Арслан-Джазибом, сельджуки расселились то туда, то сюда, причем в виде отдельных отрядов они проникли далеко на запад, вплоть до Хамадана, даже до Азербайджана и Мосула, везде безнаказанно грабя и убивая, так как ничтожные мелкие князья Персии и Ирака не умели дать им настоящего отпора. Понятно, что с течением времени к сельджукам по эту и по ту

⁵⁵ Илек умер в 403 (1012/13) г., а Тоган в 408 (1017/18) г.

⁵⁶ Подробности этих событий не вполне достоверны; из противоречивых сведений, сообщаемых Ибн аль-Асиром (IX, 266, 267, 223) в «Табакат-и-Насири» и т. д. трудно вывести что-либо точно.

сторону Оксуса приливали все новые и новые толпы тузов и туркмен, так что около 435 (1043) г. Северная Мидия, Азербайджан и части Месопотамии были переполнены турками. Можно легко представить себе, какие они производили опустошения в злополучных местностях, уже и так большей частью сильно пострадавших от внутренних войн Бундов со своими вассалами. Но великого военного героя – султана Махмуда из Газны, который, быть может, один только еще мог бы воспрепятствовать все возрастающему кругу горю и бедствию, не было уже в живых. Вследствие чрезмерного непрерывного напряжения сил в последние годы он утратил здоровье; советами и увещаниями врачей поберечь себя он пренебрегал и до последней минуты точно и добросовестно исполнял все свои тяжелые обязанности правителя. Он так и умер, как сообщает летописец, на ногах, окруженный высшими сановниками своего государства, творя суд. Его государство, не имеющее национальной основы, со своим смешанным населением из суннитов, шиитов и индусов, лишенное также и единства веры, сколоченное мечом афганцев из персов, турок и индийцев, без связи с отдельными его частями, составляло одно целое лишь благодаря постоянному личному вмешательству султана в дела каждой отдельной провинции, и только молниеподобная быстрота, с которой Махмуд появлялся то здесь, то там, чтобы подавить мятежные вспышки и обеспечить от вторжения неприятелей пограничные местности, давала ему возможность сохранить в обширном государстве своем целостность и некоторую прочность.

Зная традиции дома Газневидов, нельзя было и сомневаться, на что падет их выбор. В Индию повел Себуктегин свое войско прежде всего, раньше, чем он нашел повод вмешаться в положение дел государства Саманидов. Самым великим, самым славным подвигом Махмуда считалось завоевание им Индии для ислама. Поэтому весьма естественно, что преемники Махмуда предпочли удалиться в Индию, как только им не оказалось по силам сохранить свое государство в полном его объеме. С самого начала сын Махмуда Масуд (422–432 = 1030–1040), который вступил на престол после довольно-таки бесцеремонного устранения своего младшего брата, назначенного Махмудом наследником престола, едва ли мог предвидеть всю величину опасности, которая теперь нам кажется столь ясной. Как бы ни были неприятны сами по себе разбойничьи набеги сельджуков, в то время в 421 (1030) г. им придавалось не столь важное, лишь чисто местное значение. Поэтому нам незачем удивляться, что Масуд, который по энергии и деятельности далеко уступал отцу, удовлетворился временным вытеснением находившихся тогда в Хорасане отрядов тузов, тем более что его войска в 421–423 (1030–1032) гг. должны были сражаться и против Бунда Ала ад-Даулы в Исфахане, который все снова и снова упорно возмущался против турецкого государства в Бухаре, а в 424 (1033) г. потребовался прилив больших сил на восток для подавления опасного восстания наместника в Индии, Ахмеда Яннальтегина. Пока здесь шло все вверх дном, в 425 (1034) г. в Хорасане началась снова борьба с тузами, так что в заключение всего жители северной части этой области возмущались против правительства, бросавшего их без помощи и защиты на произвол врагов.

Когда, наконец, в конце 425 (1035) г. индийское восстание было подавлено и Ахмед Яннальтегин убит, Масуд собрался с силами, чтобы вмешаться в дела в Хорасане; в 426 (1035) г. он вытеснил тузов из областей Туса и Нишапура и вскоре после того принудил князя Джурджана и Табаристана, сына Минучехра Ануширвана, желавшего воспользоваться случаем для приобретения самостоятельности, снова подчиниться верховной власти султана. Но за это время по ту сторону Оксуса произошли события, которые должны были сразу уничтожить все эти военные успехи Масуда. Алтунташ, верный наместник дома Газневидов в Хорезме, умер в 423 (1032) г. вследствие раны, полученной им в битве против бухарцев. Сын его, Харун, воспользовался увеличивающимися затруднениями в делах Масуда, чтобы объявить себя независимым (425 = 1034 г.). Правда, это объявление повлекло за собой взрыв лишь беспорядков и убийство Харуна (426 = 1035 г.), но узурпатор, правивший после него в Хорезме, окончательно забыл думать о существовании Масуда. Последний, быть может, и утешился бы и забыл

о потере этой отдаленной области, но это происшествие изображало собой тот порыв ветра, который сдвигает с места лавину, катящуюся после того без удержу дальше. В союзе с Харуном были два внука Сельджука, братья Тогриль-бек и Чакыр-бек, которые после разных передраг и распрей с остальными турками Трансоксании, заручившись согласием властителя Хорезма, поселились в его владениях. Им не понравилось теперь новое положение дел, и они решили, по примеру своих одноплеменников, перебраться через Оксус в Хорасан. Сначала поселившись совершенно мирно вблизи Несы и Мерва, они предложили султану Масуду, который как раз в то время находился в Джурджане, свою помощь против остальных гузов, но султан не доверял им, и после продолжительных и бесплодных переговоров дело разошлось.

Положение вещей в Индии принудило Масуда снова отправиться в Газну; его казначей, посланный им с войском в Хорасан, был разбит Чакыр-беком при Мерве в 427 (1036) г., и теперь могущество Сельджуков стало расти неудержимо. В 428 (1037) г. Мерв перешел в руки Чакыра, а в 429 (1038) г. Тогриль взял Нишапур. И хотя в следующих сражениях султана против появлявшейся то тут, то там неприятельской конницы эта последняя не раз терпела урон и могла овладеть Гератом лишь на самое короткое время, а Балха и совсем не могла взять, все же поход в Мерв под личным предводительством Масуда кончился решительным поражением его в 431 (1040) г. Тем не менее он не отказался окончательно от надежды снова вернуть себе Хорасан. Сына своего Маудуда он оставил в Балхе, а сам отправился в Газну, а оттуда, захватив с собой большие сокровища, в Индию, чтобы собрать там новое войско против сельджуков. Но частые поражения султанских войск посеяли недовольство и недоверие среди его турецких эмиров. Едва перешагнув границу Индии, часть войска султана возмутилась, освободила от оков брата его Мухаммеда, которого Масуд всюду водил за собой, и объявила освобожденного пленника султаном. Между мятежниками и оставшейся верной султану частью войска произошло сражение, в котором первые победили и даже взяли в плен самого Масуда (432 = 1041 г.). Его засадили в крепость, где в следующем году и умертвили. Сыну его Маудуду, который, получив известие о несчастье, постигшем отца, поспешил в Газну, удалось там утвердиться. В 434 (1042/43) г. он, близ индийской границы, разбил своего дядю и взял его в плен. В течение своего семилетнего правления 434–441 (1042–1049) гг. Маудуд делал много раз попытки положить конец дальнейшим успехам Сельджуков, но между тем ему не удалось даже хотя бы отнять у Чакыр-бека Седжестан, который тот занял за это время. Наконец враждебным действиям между Газневидами и Сельджуками был положен предел заключением мира между Чакыр-беком и Ибрахимом, братом Маудуда, который, после долгих распрей по вопросу престолонаследия, вступил в 451 (1059) г. на султанский престол, отказавшись бесповоротно и раз навсегда от потерянных для него областей. С тех пор южный склон Гиндукуша и Гура составляли западную границу государства Газневидов, центр тяжести которого лежит с этого времени уже в Индии; Хорасан же, со включением Балха и Герата, а также и Седжестана, окончательно остались за Сельджуками.

Если великое государство могучего Махмуда не имело силы справиться с турецкими разбойниками, то мелкие государства Персии и Ирака, половина которых уже сделалась легкой добычей Махмуда, вовсе не были в состоянии сопротивляться набегам дикой турецкой конницы. Настолько велико было разложение Ирака и Персии Бундов, что даже в виду такой неминуемой опасности не было сделано попытки сплотить воедино силы этих областей для совместной защиты. Напротив того, с тех пор как Бунды Персии, так же как и в Багдаде и Басре, вследствие их никогда не кончающихся семейных раздоров и войн с домом Газневидов все более и более ослабевали, непрерывный разлад царил не только между султанами и эмирами, но даже можно сказать, что враждовали друг с другом все военачальники, владевшие какой-нибудь крепостью, вожди курдов или шейхи бедуинов. А чтобы дорисовать и без того ужасную картину, по всей Мидии и по ту сторону Тигра толпы тузов неслись без удержу, разбойничая и убивая, причем они часто не щадили даже ни детей, ни женщин. Кроме разрываю-

ших сердце повествование историков, имеется еще описание областей ислама того времени, принадлежащее перу известного поэта и путешественника Насери Хосрау, который побывал в 437–444 (1045–1052) гг. в большей части Средней Азии. Путь его лежал из Мерва через Серахс, Нишапур, Рей, Хамадан, Казвин, Тебриз, Эрзерум; Мейяфарикин, Амид (Диярбекир), Харран, Халеб, Хаму, Триполи в Сирии, Бейрут, Тир, Акку, Цезарею и Рамлу в Иерусалим, оттуда через Аскалон в Каир, потом через Суэц в Медину и Мекку для доведения до конца предпринятого паломничества. Когда поэт исполнил эту религиозную обязанность – побывал в Мекке, – он снова отправился в Каир. Затем, после годового пребывания здесь, поднялся вверх по Нилу в Ассуан, оттуда направился через пустыню в Айзаб, на берег Красного моря, и морем в Джедду и еще раз в Мекку, и потом, по весьма опасной дороге через Таиф и ненадежную, вследствие рыскающих по ней бедуинов, пустыню к карматам в Лахсу. После того вторично через пустыню в Басру, а оттуда через Казерун, Исфахан и всю персидскую соляную степь в Табес, Серахс и Балх, где, наконец, наш путешественник, после семилетнего странствования и всяких лишений, впервые опять отдохнул. И вот на всем этом пути Насери Хосрау, по собственным его словам, видел только в четырех местах порядок и исправное правосудие: в Деште⁵⁷, при управлении Лешкер-хана, в Дейлеме, при эмире аль-умара Джестан ибн Ибрахиме, в Египте при Мустансире и в Табесе при эмире Абуль Хасане Киликии. Что Египет, несмотря на раздоры, происходившие перед тем при Хакиме, пользовался до 450 (1058) г. спокойствием и благосостоянием, имеются, кроме сведений, сообщаемых Насери, и другие еще сообщения. Остальные же названные три местности представляют собой, как мы видим, крохотные области в горных странах или же в пустыне, и вследствие этого своего благоприятного местоположения они были избавлены от нашествия Бундов, тузов и сельджуков. Но тот же Насери Хосрау в 444 (1052) г., когда Тогриль и Чакыр-бек более десяти лет уже владели беспрекословно Хорасаном, жалуется на ненадежность и небезопасность дорог в этой области⁵⁸. Город Басра, так же как и другие города, путешественник наш нашел по большей части в развалинах, хотя неподходящее местоположение этого первого порта Востока и тогда уже упрочивало ему оживленную торговлю. И Мекка, уже вследствие войны с карматами бывшая тоже в довольно плачевном состоянии, к тому же как раз еще вынесшая голод, не имела в 442 (1050) г. более 2500 человек мужского населения, и здания ее носили также следы явного разрушения. Если здесь, в заколдованном кругу, карматами и бедуинами почти неприступно отделенной от остального мира Аравии – в дела которой даже и египетские халифы едва еще дерзали вмешиваться – не могло быть пока и речи об улучшении вещей, то тем более в Ираке и в Персии предстояла истинно геркулесова работа тому, кто вздумал бы положить конец тамошней злосчастной путанице. Нельзя отнять у братьев Тогриль и Чакыр-беков ту их заслугу, что они, эти пять лет тому назад лишь неизвестные предводители небольшой горсточки кочующих, не имеющих родины турок, сумели сделать столь разумное употребление из неслыханного счастья и из удач, выпавших им на долю с 431 (1040) г., чего нельзя было ожидать от людей их происхождения и их прошлого. Они удивительно скоро поняли, что суть дела теперь не в том, чтобы жечь, грабить и убивать, а в том, чтобы из всех этих ужасов опустошения создать нечто новое. Уже очень рано оба брата, постольку, поскольку это не противоречило личным их интересам, старались не только строго сдерживать разнузданность собственных солдат, но и надевать узду и на предшественников своих – тузов. Правда, вначале в большинстве областей всего этого не делалось, так как еще не считалось нужным, ввиду того, что в особенности Тогриль-бек не был одержим сентиментальными наклонностями; походы сельджуков, охватившие теперь с величайшей быстротой всю переднюю часть Азии, в течение ближайших 20 лет даже еще уве-

⁵⁷ Есть две местности того же наименования: одна близ Исфахана, другая около Тебриза, здесь же говорится, вероятно, о последней.

⁵⁸ *Sefer Nameh*, p. 96. Перев. 253.

личили значительные страдания несчастного населения. Когда же наконец был введен в некотором роде порядок и под управлением двух могучих султанов исламские владения от Хорезма и до Малой Азии вздохнули свободнее, семейные распри, проявившие свое губительное влияние в этой новой династии, привели к раздроблению на мелкие государства только что сплоченное воедино могучее исламское царство. Прежние беды и горе возобновились, пока вторая волна великого переселения народов не довершила окончательно и навсегда разгром ислама Передней Азии.

После того как Тогриль и Чакыр-бек взяли верх над единственным государством, представлявшим в то время между Оксусом и Евфратом настоящую силу, является вполне естественным, что дальнейшие удачи их зависели исключительно от собственной энергии. Средств расширить свои завоевания в ту или другую сторону, почти по желанию, было у них вдоволь; надежда на войну и добычу должна была, чуть ли не ежедневно, привлекать к ним новые толпы турецких племен, которые переправлялись через Оксус, и без того уже направляясь на запад. Мы не ошибемся, если скажем, что несколько тысяч человек, во главе которых братья Тогриль и Чакыр-бек вступили в 426 (1035) г. в Хорасан, увеличились в 431 (1040) г. более чем в десять раз.

Во всяком случае, обширные их завоевания в ближайшие 20 лет заставляют предположить у них весьма значительные военные силы, и масса турок, которую мы встречаем вскоре затем в Азербайджане, в Месопотамии и в Малой Азии, оправдывает, даже если допустить необычайно быстрое размножение, высказанное нами еще раньше мнение, что тут мы имеем дело уже с настоящим переселением народов. Сделаем вкратце перечень всем удачам и победам двух братьев, которым столь сильно благоприятствовали обстоятельства. Уже в 433 (1041) г. у Зиярида Ануширвана, повелителя Джурджана и Табаристана, была отнята ими часть его владений, и сам он, для сохранения остатка своих земель, вынужден признать над собой сюзеренство Тогриль-бека, между тем как одновременно Чакыр-бек овладел городом и округом Балха. В 437 (1045) г. оба брата вместе отняли у незаконного владельца Хорезм, и Тогриль осадил еще в том же году Рей, откуда он и его брат Ибрахим Яннал проникли далее в Хамадан и Исфахан. Последние Бунды, для дейлемитов, для которых теперь, по отношению к туркам, речь шла уже чисто о существовании, дрались храбро; в 439 (1047) г. был заключен мирный договор с властителем Бирмана под условием признания им сюзеренства сельджуков, и только в начале 443 (1051) г. после храброй защиты, наконец вынужденный к тому голодом, сдался и Исфахан.

В названных областях действовали исключительно Тогриль и Яннал, а Чакыр-бек остался в Хорасане, в завоевании которого и укреплении в нем; ему помогал сын его Альп Арслан. Оба они выполнили свою задачу более миролюбиво и согласно, чем два брата Чакры на западе. Ибрахим Яннал, который предшествовал всюду Тогриль-беку, пробивая ему путь, предпринял уже в 440 (1048) г. победный набег в византийскую Армению. Опыренный своею удачею, он стал прямо сопротивляться брату, когда последний хотел было взять себе некоторые части занятой его войсками Мидии. Дело дошло до открытого боя, в котором Ибрахим был разбит (441 = 1049/50 г.) и должен был сдаться, после чего между братьями произошло официальное примирение. Но эти события были все же дурным предзнаменованием для дальнейшего развития отношений между различными членами этой семьи, мир и согласие которых могли бы одни надолго упрочить сделанные завоевания. Затем, в течение ближайших годов, сражались большей частью в Фарсе и Хузистане, где Буид, багдадский эмир аль-умара Хосрау Фируз, прозванный аль-Мелик ар-Рахим («сострадавательный король»), защищался с величайшим упорством и, много раз изгнанный, возвращался до 447 (1055) г. все с новыми силами. Тогриль-бек, которому это наконец надоело, решил иным образом окончить дело. В 446 (1054) г. он отправился в Азербайджан, подчинил себе местных мелких князей, проник глубоко в византийскую область и, обезопасив себе таким образом фланг, в 447 (1055) г. направился прямо на

Багдад, чтобы отнять у Мелика Рахима главную его опору, после падения которой Хузистан и Персия, конечно, не могли бы уже продержаться. Благоприятствующим обстоятельством для достижения его цели явилось следующее: вражда, существовавшая между министром халифа Кайма и предводителем войск Мелика Рахима аль-Басасирием, постоянные распри суннитов с шиитами в Багдаде и, наконец, нескончаемые набеги арабских бедуинских князей Ирака, доходившие чуть ли не до самых ворот столицы, для отпора которых ежеминутно требовались имевшиеся в распоряжении Басасирия военные силы.

На халифа падает подозрение, что он сам призвал правоверного турецкого султана, чтобы, по крайней мере, избавиться от еретика Бунда; верно это подозрение или нет, но нам уже известно, что в указанном году Тогриль-бек действительно положил конец царствованию Мелик-Рахима. Сам Мелик был вскоре, вопреки данному ему обещанию, лишен свободы и так и умер в 450 (1058) г. в плену. Еще за десять лет до того, в 440 (1048) г. умер государь Кирмана и после смерти его принадлежавшие ему области были, само собой разумеется, тоже захвачены сельджуками. После того несколько младших членов из дома Бундов снова пытаются играть роль, что им, однако, не удастся. Последний из них, о котором сохранились сведения, некий Кей-Хосрау жил в 487 (1094) г. в небольшом персидском местечке, которое султаны отдали ему в собственность. Таким образом угасла династия Бундов, искупив в некотором роде значительные свои ошибки и недостатки храбрым сопротивлением против восставшего на нее с разных сторон враждебного превосходства сил.

От сельджуков, принявших наследство Бундов без предшествующего исторического опыта, нельзя было и ожидать, чтобы судьба дейлемитских их противников послужила им уроком. Напротив того, они сразу устроили семейные свои отношения по образцу Бундов: в то время когда в конце 448 и в начале 449 (1056) г. Тогриль-бек подчинил себе Месопотамию, особенно Мосул, и часть сам, частик) через своих военачальников дал необходимую для них встрепку арабским мелким князьям и Басасирию, искавшему у них убежища, Ибрахиму Янналу показалось, что его снова обошли. Передают, будто бы измаильянское влияние и тайные послы Басасирия много способствовали усилению его недовольства Тогриль-беком и подкрепили его в его мечте о возможности вступить ему самому на султанский престол. Так или иначе, но он внезапно, со своими приверженцами, в 450 (1058) г., в то время, когда еще шла битва в Месопотамии, бросил без позволения брата войско его и отправился в Мидию, где находились лично ему преданные военные отряды, и вместе с этим переманил к себе также и большую часть войска Тогриля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.